

ТАТЬЯНА ИВАНЬКО

КНИГА 7

БАЙКАЛ

" — Это мне очень нравится, Аля, что ты считаешь себя сумасшедшей! - веселясь, рассмеялся Дьявол.
- Это от ума и образованности, это я люблю больше всего. Не верь ничему - это мои лучшие силки, которыми я ловлю ваши душонки. Неудрящие и пустые - вы первые моя добыча.

Он захохотал опять.

— Где пустота в сердцах, там - Я! - радостно провозгласил Сатана."

Калуга

18+

Татьяна Вячеславовна Иванько

Байкал. Книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573738

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-94102-1

Аннотация

Конец света... Он необратим и окончателен или всё же есть надежда на спасение и возрождение? Всему есть начало и всегда наступает конец, или жизнь бесконечна и только циклична? Мы этого не знаем, но не знают и предвечные, которым теперь придётся сразиться не между собой, и не с чужаками, но с силой, исподволь покорившей всю Землю. И что останется людям? Погибнуть или бежать? И, если бежать, то куда? Найти пристанище во Вселенной? Найти другую Землю? Создать новую? Или же принять бой и победить? Наши герои снова все вместе, со своими страстями, привязанностями, разочарованиями, связями, подвигами и преступлениями, прежними и новыми. Как они преодолеют, кажется, непреодолимое, какими выйдут из испытаний? И выйдут ли?..

Содержание

Часть 25	4
Глава 1. Спи!	4
Глава 2. Плен и свобода	23
Глава 3. Игры Сатаны	41
Глава 4. Скольжение в веках	61
Глава 5. Восемьсот лет	86
Глава 6. Другие восемьсот лет	105
Глава 7. Цунами	133
Глава 8. Живи, братец...	150
Глава 9. Утро в сонном царстве	171
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 7

Часть 25

Глава 1. Спи!

Несколько дней Эрик злился на меня, что я так «всё испортил», как он сказал, пока ходил туда-сюда по моей горнице. Я отвоевал себе в доме отдельную горницу, сказав, что это мне для молитв, наставил тут икон, как положено, и мог теперь уединяться, чтобы не всякий день поводить с нашими с Эриком жёнами, которых у нас на каждого было по две. Вот он и пришёл сюда, откуда я не хотел выходить уже несколько дней.

– Вот кем надо быть, чтобы так всё время всё портить?! Какой ты остолоп всё же! Повезло мне с братцем – дураком!

– Хватит, разошёлся... – пробормотал я.

– Что «разошёлся», теперь к ним в дом ни ногой.

– И что тебе делать там?

– Не твоё дело. Даже не знаем, как её здоровье...

Что думаете, беспокоился, Эрик, оказывается, не напрасно, окольно мы узнали, что сокольничий князя Звенигород-

ского Василий Нитков схоронил жену вслед за новорожденным сыном.

– Родильная горячка, должно...

– А может, чума?

– Чума, болтаешь... Так остальные-то живы-здоровы в дому...

– От горе-то, а?

– Красавица была женка-то, ай-яй, жалко.

– Ежли не красавица, не жалко што ль?

– Да любую жалко, не очень-то разбежисся жениться снова. Иде они, невесты? Бедует теперя, сокольничий, поди.

– Да мало ли хто бедует по такому поводу, вона, у деверя тоже жена помре от родов, што ни год, так на погост носим баб...

– Дак-ить... куды деваться, такое дело...

– «Дак-ить», тьфу! Сначала сын, за им и жена, вот иде горе не пережить!

– Ниче, молодой, переживёт, не он первый... – вот, что говорили, вторя друг другу, перебивая, продолжая обсуждать, приводить примеры.

Эрик помрачнел, спрашивал меня, как понимать сие, ведь и на погосте могила появилась Елены Евтеевны Нитковой, возле маленького холмика, где лежал их сын, но её могила – ещё большая ложь, я не сомневался.

– Она улетела, должно, – сказал я.

– Улетела, может и так, а может, этот убил её? Вот из рев-

ности, к примеру? – нервно предположил Эрик, когда мы шли от могилы к лошадям, оставленным у служек.

– Она сказала, он не ревнив.

– Да? Ар, ты ерунды-то не говори, – скривился Эрик. – К нему идти надо за разъяснениями.

– Сходи, попробуй.

Но ни Эрику не хотелось того, ни мне, ясно было, что такой «поход» завершится одним – дракой. Потому было послано к Рыбе, и к Дамэ письмо с вопросом об Аяе. Дамэ сам явился к нам, чтобы рассказать, что знал...

...Мы слышали с Рыбой, что они кричат друг на друга там наверху. Я направился было к их почивальне, в страхе за Аяю, но Рыба, остановила меня.

– Милые бранятся... – сказала она, сама глядя на потолок, откуда, приглушённые перекрытиями, доносились их с Аяей крики, больше его, словно он что-то горячо доказывал. – Пушай выяснят...

Слов было не разобрать, ясно только, что спорят, потом вдруг, будто разом хлопнули двери и ставни, что-то ударилось, и стихло...

Рыба улыбнулась, обернувшись на меня.

– Вот и... ладно.

– Что «ладно»? Что ты мелешь? – рыкнул я, поняв, что впервые я не расслышал слов в доме, когда мог слышать и через улицу, ежели мне было надобно. А тут всё слышал, как и Рыба, как обычный человек. Вот о чём шепчутся разбу-

женные сенные – слышал, а о чём кричат Аяя и Ван – нет. Он закрылся от меня, он догадался, что я... и закрылся. Что он ещё тайно сотворит, пока я не вижу и не слышу?!

– И не мелю! – меж тем заметила Рыба, поглядев на меня. – Пуцай. Родит ещё – всё забудется.

– Так просто у тебя всё...

– А что сложного? Замуж вышла – терпи, не устраивай бунтов. Чего артачиться-от? Коли мил – так живи, притирайся, никто не говорит, што просто за мужем, мущина – не котенок, все время мурчать да молочка просить не будет, он – хозяин в дому. Он главный. А не хотела его, на што тада связалася с им?

В этом была правда, не поспоришь, и мне не хотелось теперь их разлада, да и что от разлада, опять бежать куда? Что искать? Где?

Но тишина была неполной, и заглушать к утру Ван уже не мог, устал ли, али забылся, но я уже слышал и знал, что там у них делается. Это обеспокоило меня, всякая чрезмерность вредна и опасна, тем паче был он зол и обижен. И ревновал, я это чувствовал даже сквозь стены и перекрытия. Как в своё время Орсег обезумел... Но этот убить или даже ударить её не пытался, вовсе нет, но и удержать себя от безумного пламени тоже был не в силах. Вмешаться было невозможно, и не только потому, что мне это неловко, но просто оттого, что не проникнуть, оказалось, ни в двери, ни в окна. Будто сплошная стена, ежли токмо топором прорубить...

Только к утру следующего дня, дверь, наконец, открылась. Я застал Вана на лестнице, он, растрёпанный, потому что волосы у него отросли в последнее время, а сейчас спешил до ветру.

– погоди, дамэ, ни слова! – сдавленно проговорил он, оглябая меня.

Я вошёл всё же в почивальню, я вошел, потому что чувствовал, там нет Аяи, иначе не посмел бы. Горница в беспорядке, конечно, но окна распахнуты настежь, так, что она почти выстудилась за несколько мгновений, и здесь даже нет запахов их тел, думается, только на простынях остался. Ван вернулся и застав меня на пороге, сказал, предвосхищая мой вопрос:

– Её нет.

– Как? Где она? Ты... что-то сделал с нею?

– Я?.. Она сама с кем хочешь, сделает... Бросила меня, как видишь. В одной рубашке сбежала. А вот когда и как, я не знаю...

... – И вы решили изобразить её смерть? – спросил я.

дамэ побледнел, кивнув.

– Знаю... дурно это, и отпевать пустой гроб – дурно, лгать и... Словом, да, мы с Рыбой сделали единственное, что считали правильным в этот момент.

– Где она?

– На Байкале, – ответил Эрик за дамэ.

Тот кивнул ответно.

– Да, Ван так и сказал. И ещё сказал, что ему нет туда хода, словно стена стоит, он не может сквозь неё никак пробиться.

– Она... научилась стены такие возводить? – Эрик взглянул на меня.

Вот смотришь на меня, потому что знаешь, как я, Аю не знает никто, а сам рядишься в её мужья. Шиш вам!

– Не она. Есть Тот, Кто всегда готов услужить ей.

– Кто? Не понимаю...

Дамэ побледнел, догадываясь, и опустил глаза.

– Это... очень плохо. Плохо, что она опять приняла Его помощь. С каждым таким разом, как с крупинкой, срывающейся с горы, всё более неустойчивым оказываешься, всё ближе к краю, всё слабее перед Его соблазном. Таким ласковым и терпеливым как Он, не бывает никто...

– Вы считаете... она приняла помощь Сатаны? – тихо спросил Эрик.

Я посмотрел на него:

– Хуже, она позвала Его сама.

– И... что теперь? Она, кажется... она ведь умеет с Ним обращаться, – сказал Эрик.

Дамэ невесело усмехнулся.

– Так Он и действует... люди думают, что всё поняли, что знают, как с Ним надо вести себя... А Он тем временем всё ближе и ближе, и вот Он уже у самой кожи, не надо ни звать, ни просить, Он войдёт сам, как желанный любовник...

У меня мороз по коже пробежал от его слов.

– Почему вы с Рыбой не отправились вслед за ней? Есть, кого попросить. Даже Орсег не отказался бы...

– Ван попросил нас остаться, – немного смущаясь, сказал Дамэ.

...Так и было. Когда мы все поняли, что Аяя на Байкале, и что Вану туда не проникнуть, первое, что мы подумали с Рыбой, это отправиться за ней. Конечно, и Орсег помог бы, да, возможно, даже Вералга не отказала бы нам. Но Ван, догадавшись о наших с Рыбой мыслях, попросил:

– Конечно, я вам – никто, и ваше право немедленно отправиться к Аяе. Но я прошу вас, останьтесь. Останьтесь со мной? Вас она бросила, как и меня. Быть может, без вас она скорее одумается и захочет вернуться, – в его голосе дрогнула надежда.

– Как же ей вернуться, ежели мы «похоронили» её вчерась? – моргнула Рыба.

– Пусть только пожелает быть со мной, и я буду там, где она, – не рисуясь, сказал Ван. – На Байкале, на Москве, хотя на Луне, мне едино, лишь бы с нею...

И я в его словах услышал убеждённость, и готовность следовать ей. Но байкальским братьям слова Вана я дословно предавать не стал, хотя их двоих это касалось непосредственно. Но сказал, что мы остались, пока, на время.

– Так она там одна, выходит? – проговорил Эрбин. – На Байкале-от?

– Там целое племя тех, кто поклоняется ей, – сказа Арий.

– Не о том я... – поморщился Эрбин, словно его разозлило напоминание брата, будто тот не сообразил, о чём он говорит.

– Ты женат, Эр. На манечке-танечке, так что остынь, – заметил Арий.

– Думаешь, я стану за двоих тут отдуваться с этими куклами? Нет, от меня тебе не отделаться, я отправлюсь с тобой...

Но, что станут делать братья-байкальцы и когда, я не стал думать, это их дело. Мне надо было бы, конечно, отправиться на Байкал, чтобы защитить её... Это им всем кажется, что она очень сильная, но я знаю, что теперь она ранена, в самое сердце, и что как никогда уязвима перед Ним. А от Дявола лучшей защиты, чем чёрт не найти.

С этим я и пришёл к Вану.

Он поднял глаза на меня, думал некоторое время, поднялся даже из-за стола, на котором были разложены книги, но поверх них стопка Аяиных рисунков, на них – дитя...

Он походил по горнице, ныне в почивальню принесли стол, и он здесь поводил по многу дней с книгами, и записками. Что-то изучал и записывал, мне кажется, ещё и отлучался куда-то, потому что книги менялись, он их где-то брал, изучал, делал записи, после прочтения возвращал. И какие-то ещё умения развивал в себе, помимо имеющихся. Только служба у князя звенигородского отвлекала его от этих занятий, потому что он даже почти не спал.

– Ты... уверен в том? Что можешь защитить её?

– Я уверен, что ей нужна защита, – сказал я.

Ван долго смотрел мне в лицо светлыми глазами, потом сказал.

– Можешь ты... присылать мне веши о ней? С Басыр хотя бы?

– Она и сама обязана нас всех всеями через своих слуг три раза в год посещать.

– Это так, но я знаю, как она может обходить это правило. Она узнает обо мне и ни слова не скажет о себе. А ты... просто напиши – здорова, весела, али грустна, в Байкале купается. Ни о чём ином не прошу, не шпионить, но... я тоскую о ней... так, что и умер бы, если бы не надеялся вернуть всё.

Мне хотелось сказать ему, что такого полного счастья как у него, не было ни у кого из живущих, но он всё потерял по своей воле, но что зря пинать поверженного?

Тяжелее разговор был только с Рыбой, которая обняла меня.

– Да ты што... Дамэшка, как же я без тебя-от остануся теперь, ты ж мне как брат, столько лет, меня без тебя как половинка, даже треть...

И заплакала, сразу раскисая, как подмокший хлеб. Я обнял мою верную Рыбу, и сказал, поглаживая ее широкую, на зависть, спину:

– Побудь с ним, с Ваном. Его от Сатаны только Ая защищала, а нынче она сама... и не приведи Бог, как Ван ступит на дорожку, что к Нему ведёт, у Вана силища, вообрази, что

будет?.. Миру энтому – конец. А он ведь, ежли в голову себе что-то возьмёт, его не остановишь.

– Это да, это ты – верно, – согласилась Рыба.

И едва я собрался уже попросить Вералгу, как она сама явилась к Вану неожиданно.

– Ты... ты... паршивец, куда ты дел свою шлюху? – услышал я, едва она переступила порог его горницы.

– Полегче, Вералга, – строго сказал они, я услышал, как он поднялся из-за стола, за которым сидел. – Я шлюх вовсе никогда не знал.

– Не знал?! Не знал, что Аяя – шлюха из шлюх! Богиня Любви! Её жрицы все проститутки!

– Прекрати, Вералга, ежли не хочешь снова остаться без рта, – сказал Ван негромко, угрожающе.

– Прекратить! Да я... Викол отправился с ней! Викол! Вообрази, какой изошрённой тварью надо быть, чтобы обольстить Викола!

– Этого не может быть, – невозмутимо сказал Ван. – Если Викол оставил тебя, это не означает, что он отправился за Аяей.

– Викол пропал сразу вслед за ней, стало быть – он с ней. Где Аяя?! Только не лги, что она в могиле, будь так, и ты лежал бы рядом! Всё ложь! Всё ложь, что с нею! И дитя, похороненное и её добродетель! А ты всё веришь, ты веришь в её любовь, в то, что она не обманывала тебя!

– Меня не обмануть, – сказал Ван.

– Ну конечно, вас обмануть ничего не стоит, когда у вас стоит! – пошипела Вералга.

– Ты в этом знаешь толк, похоже? В обмане и остальном, о чём говоришь, да? Кто тут тогда шлюха?

– Не смей разговаривать со мной подобным манером! Учти, найду твою дрянь раньше тебя – прикончу. Прикончу, если не прикончишь ты.

Ван помолчал некоторое время, я слышал, как он сел – скрипнул стул. И произнёс негромко и значительно:

– Аяю не тронь. Что бы ни было, что бы она ни сделала, она моя, и мне решать, что с нею делать... Ясно? Моя. Я с нею обвенчан, кто может это изменить? Ни ты и никто. Так что забудь о мести ей, иначе...

– Угрожаешь мне?

– Нет. Ни в коем случае, – ответил он, усмехнувшись, и, клянусь, у Вералги от этой усмешки по коже побежали мурашки размером с крыс...

...Признаться, мне было плевать, произвели ли мои слова впечатление на Вералгу или нет, мои мысли были далеко, тем паче, я был уверен, что ничего дурного на деле она не может причинить Аяе, так, болтовня. Сам я думал днесь о том, что сказал мне князь Иван Иванович, когда спросил о жене и моём мнимом вдовстве.

– Нехорошие слухи, Василий, появились, будто бы... не своей смертью померла твоя жёнка. Будто бы ты... убил её?

Я обомлел. Вот это да...

– Сказывают, что ссорились вы, а после никто её уже не видел, – Иван Иванович внимательно взгляделся в меня. – Что скажешь? Дознание мне учинить? Чадь твою расспросить али как? Сам признаешься?

В его совещательной горнице, где он обычно сиживал с дьяками, советниками али с братом Семёном, мы были одни, и говорил он не строго и негромко, словно надеясь услышать ответ, который успокоит его.

– Говорят, даже гроб не открыли на отпевании и на погосте тож... Отчего это, Василий? Признайся мне, как на исповеди, убил? Я придумаю, как тебя спасти, отвести подозрения, оправдать. А, Василий? Убил?

– Да нет же, Иван Иванович! Что же я, изверг? Как это жену убить?! – растерялся я, вот уж никак не ожидал.

Но князь Иван не верил мне, встал из-за стола и заходил из одного угла в дугой.

– Я понять могу... – негромко произнёс он, и кто его убедил в том, что я такое злодейство свершил? – Такая красота, охотников, небось, немало... Говорили, спуталась со сродственником вашим, с Резановым Иваном? Он-то сам пропал со двора. Ты его, может, прирезал тоже, а труп в воду кинул? Али ещё куда?

Я отказывался, удивляясь, какие дикие слухи могли появиться на пустом месте. И как такое вообще могло кому-то прийти в голову.

– Иван Резанов – старик вовсе, что ты, Иван Иванович, к тому же дядя мой! – воскликнул я.

– Старик-от, может и старик, но жена-то у него молодая, стало быть, и он не так уже и стар... Ну, что скажешь? В семьях случается и не такое, пока муж в отлучке, жена со сродственником свалается. Может, и ребёночек его был? Тебе ведь, по сколько дома не бывало... Василий, право, лучше расскажи мне всё, а там порешим, как защититься. В монастырь тебя пока отошлю, пока слухи не утихнут, а дале...

Похоже, он всё уже решил, и отослать меня, и даже казни лютой предать. Но спрашивал признания из одного любопытства, хотел из первых уст подробности вызнать, а после и казнить, ведь я признался в смертоубийстве. Но я не думал признаваться.

Не пошло и седмицы, как пришли за мной стражники. Вералга, оказывается, жалобу на меня подала великому князю, что я убил жену и её мужа за преступное сожительство. Теперь было ясно, кто выдумал всё это, она решила опередить меня, хотя и знала, что я способен уйти от любой стражи, но я не стал, и об этом, думаю, она тоже догадывалась заранее, почувствовала во мне. Уходя со стражей, я обернулся к Рыбе, со слезами кинувшейся ко мне.

– Куда вы его?! Куда, Вася?! – вскричала она, попытавшись преградить путь стражникам. Но они замахнулись алебардами:

– Уйди, тётка, не мешай, на суд княжой ведём убийцу и

волхователя.

– Убийцу... Батюшки-святые, как это?

Вот тогда я и обнял Рыбу, и сказал тихо, в самое ухо:

– Дождись, Рыба, до казни, не уезжай, а там... Увидимся.

– Как же, да ты што?! Как казнь?! – зарыдала Рыба, оседая, и сразу стала похожа на опавшую квашню. Хуже всего было то, что Дамэ уже отправился на Байкал, и она оставалась одна. Более того, на Москве не было уже и Ария и Эрбина, они улетели, о чем пришли сказать мне, благородные люди.

– На Байкал полетим, пока самолёт исправен ещё, – сказал Арий.

– Открыто и без зазрений говорите, что летите сманить мою жену, – усмехнулся я, наливая им фряжского красного вина. – Я оплошал, стало быть, место свободно? Вералга считает, что его уже занял Викал.

Они переглянулись, не ожидали этой новости.

– Хорошо, если Викал, – проговорил Арий.

– То есть?

– Викал – человек, как известно, да и не по этой части он вовсе, чтобы за девчонками бегать. Так что...

– Мы опасаемся соперника иного рода... – сказал Эрбин.

– Иного? Какого иного? – не сразу догадался я. – Вы о... Сатане? Неужели? Нет, она никогда...

– Ая могла переместиться на Байкал только с Его помощью, и тебе закрыть туда ход мог только Он. Такое уже было,

она так пряталась одиннадцать веков, пока я не отыскал её, для твоего посвящения, между прочим.

От этого мне стало не по себе, оттого, что Ая могла принять Его руку, и я не могу помешать этому? Мне нет хода к ней, я отгорожен от неё, словно каменной стеной...

После этого разговора они пропали, и жёны их присылали и ко мне, и к Миравасору, и к Вералге. Я мгновенно придумал, что знаю, что они отправились в Муром с товаром, но места там глухие, и вернутся нескоро.

– Что же нам не сказывали?

– А может вы прогневили чем мужей? – спросил я странных одинаковых с лица и одинаково одетых женщин.

Спросил наугад, зная, что почти всегда за собой вину какую-нибудь признаешь. И попал в цель, как ни удивительно: молодухи покраснели, переглянувшись, и тут же отвернулись друг от друга. Что у них там было неясно, понятно только, что после разговора этого они долго друг с другом эдак дружны как допрежь не будут...

И предстал я перед судом, скорым, надо сказать, на котором выслушали свидетельницу Вералгу, что показывала: моя жена Елена Евтеевна, ещё во времена детства спуталась с её, Настасьи Резановой, собственным мужем Иваном, оттого и потерял я её след в Твери, но после одумалась, потому что полюбовник был женат и никак за себя её не взял бы, вот Елена Евтеевна за меня и пошла – грех прикрыть, была ко времени свадьбы брюхата, да скинула ребёнка...

... – Не иначе, как прибегнув к злему ведовскому зелью, – вдохновенно рассказывала Вералга, воодушевлена вниманием всех служек, дьяков, сокольничих, и тем паче князей, Звенигородского и великого – Московского.

Все слушали как какую сказку рассказ Вералги, никто, думаю, даже предположить не мог, что эдакие дела творились у них прямо под носом.

– Оттого, должно быть, другой ребёночек после и помер, Бог наказал! А может, кто знат, и энтого извела, на што её Сатана сподвиг? Всех свидетельниц после погнала она из дому, оставила только двух, кого купила, али запугала, уж и не знаю... Их легко найти, половина у меня в дому, остальных отыщем. Расскажут всё, как было, – добавила Вералга в заключении, довольню посверкивая глазами, глядя на меня. Вот мне любопытно, далеко она ещё зайдёт в своей злобе и ненависти?

Я не боялся, чего мне было бояться, когда самое страшное было не здесь, когда оно со мной уже случилось. А потому спокойно слушал всё, что происходило.

В большом и мрачном зале, куда, кажется, вовсе не попадал ни один луч дня, потому что зима в самом своём тёмном величии, съевшая весь солнечный свет, ныне правила миром. Казалось, солнце вовсе не вставало над горизонтом, а едва взглядывало на Землю и, в разочаровании, снова исчезало. В этот же зал со сводчатым низким потолком вообще не проникал ни один луч, казалось, мы уже в преддверии

Ада.

Но, Аяя, Аяя, я в аду рукотворном, что устроила Вералга, не в настоящем ли ты?! Это единственное, что пугало меня днесь.

– Что ж выслушаем, конечно, свидетельниц, надо понимать, что заставило православного поднять руку на жену, – сказал несколько обескураженный судья.

Но всем вообразить то, о чём говорила Вералга, было непросто, люли жили честной жизнью и обнаружить такую разверстую скверну, просто исчадие рядом с собой было непросто. Но потом зашептались: «Да, красота-то у ей, верно, нечеловеческая, такая, что ум мутиться и дух захватывает. Рази же обыкновенная женщина может быть такой? Конечно, Дьявольское порождение!»...

Слушали долго, а я проводил всё время между слушаниями в темнице, сырой и холодной, полной шуршащих крыс. Поначалу я содрогался от отвращения, а после вдруг вспомнил, что в ведении Аяи, а вене Селенги-царицы все звери малые и большие. И тогда я заговорил с ними, как она учила когда-то: «Ты гляди на неё, и в голове своей обращайся, говори, она и услышит». Так я и сделал. Когда бурая крыса доставит моё послание своей Селенге, я не знаю, но это хоть что-то...

К январю суд, выслушивая целый сонм свидетелей и, особенности свидетельниц, уже дошёл до того, что и меня обвинили в ведовстве, вспомнили и то, как пленили меня в

монастыре, куда я «водил беспрестанно женщин, отводя глаза братии», и, уже сложив всё вместе, порешили, что был я не под влиянием расстройств чувств и оттого убил свою жену-распутницу, а с нею сразу был в заговоре противу добрых православных христиан, она, как последовательница Сатаны и я, волхователь, завлекли честного Ивана Резанова, а когда он отказался свою жену Настасью Каземировну известить, убили его. Но в порыве ревности, убил я и распутную жену свою. И к тому же обманул князя Звенигородского и Великого князя, и скрыл, что жена моя не чиста и не сообщил о том, а позволил князьям благоволить себе. Так что я вовсе не жертва злого диавольского наваждения, а сам пособник Сатаны, и потому повинен смерти.

... – И да будет предан лютой смерти через четвертование, но до того подвергнут пыткам, дабы отрёкся от своего покровителя – Врага рода человеческого. После того, как отречётся от Сатаны трижды, как во время крещения, будет в избавление, предан смерти. Пытки к Василию Иванову Ниткову применить водой, огнём и железом.

То есть до того, как меня раздерут на четыре части, надо мной вдоволь потешатся заплечных дел мастера. Думаю, раздирать будет уже особенно нечего, потому что даже пытка водой оставляет мало возможностей пережить её...

И я лежал в этот день в своей темнице и думал, остаться мне до утра и пусть они убьют меня, пусть последним приветом станет то послание, что я отправил Ае. Она получит

его уже после моей смерти и будет знать, как я раскаиваюсь и как жалею обо всём. Но главное, как я скучаю и как люблю её, что без неё я вовсе не представляю себе жизни...

Глава 2. Плен и свобода

...Ужас в том, что наслаждение оказалось куда сильнее злости и обиды, куда выше подняла меня эта волна и бросила, расшибая о камни. Всё же я любила Нисюрлиля, и хотела дальше любить, и душа моя была склонна к нему, но он так жестоко оттолкнул её, но и тело желало и любило его прикосновения и поцелуи...

Но Нисюрлиль злился, и эта его злость и жёсткие, против обычного, руки и губы, пугали меня, но не давали вырваться.

– Не надо... перестань... – взмолилась я, когда он приступил, уже не знаю, в который раз.

– Останешься, тогда перестану, – сказал он, снова притягивая меня к себе.

– Отпусти... Отпусти... и... Нисюр... придёшь, когда захочешь, – ответила я. – Только отпусти отсюда... я не могу больше здесь, я задыхаюсь... Ты словно поймал майского жука и посадил в коробок для забавы...

И как это было глупо так говорить, потому что это распалило его ещё больше...

Он рассердился, поднимаясь, бледный, волосы намокли от пота и вились потемневшими локонами, прилипая к его шее и лицу, блеснули зубы, злые...

– Для забавы?! Для забавы?! Так для тебя это забава?!..

Но на всякую силу приходит усталость, обессилел и он,

и заснул, обнимая меня. Я поднялась тихонько, боясь разбудить его. Мной владела одержимость побегом, чем сильнее Нисюрлиль пытался удержать меня, тем сильнее я рвалась на волю, точно обезумев, не думая ни о нём, ни о себе, вообще ни о чём, ослепнув, и оглохнув, только одно – вырваться! Настоящее безумие владело мной в эти мгновения.

Ужас и, может быть, самый главный и самый постыдный для меня был ещё и в том, что то, что я изо дня в день прощала Арию в течение двухсот лет, Нисюрлилю я простить не захотела. Тем паче я не могла заставить себя оставаться в этом доме, казалось, что это хуже, чем в тюрьме. Пока мы с ним были одним целым, то есть, пока я думала так, я была готова вытерпеть эту жизнь ближайшие лет двадцать. Но не теперь, когда он не просто оттолкнул меня от себя, но отшвырнул, как незначимую муху, я не могла уже выдерживать ни здешнего мрака, ни тесных теремов, ни правил, ни несвободы. Ты, Нисюрлиль, даже не понимаешь, что ты сделал со мной, на какое дно отвращения к самой себе бросил. Не тем, от чего ныло теперь всё моё тело, и почти не держали ноги, о, нет, это всего лишь доказало, подтвердило мне моё место в твоей душе...

А потому я, не в силах и мига больше оставаться здесь, поднялась с постели, ставни и дверь по-прежнему были закрыты наглухо, будто забиты. Одеться бы надо, да сундук с одеждой в другой горнице, здесь токмо рубашки... я надела цельную рубашку взамен разорванной в клочья, кое-как

расчесала запутанные волосы, и позвала мысленно, я знаю, Он услышит.

Конечно, Он явился немедля, словно проступив из воздуха.

– Пфуй, как семенем пахнет! – притворно поморщился Люцифер.

И, усмехнувшись, оглядел меня.

– Зачем звала? Не сладок боле, убить его? – он кивнул на постель, где среди раскиданных подушек, смятых и порванных простыней, спал обнажённый обессиленный Нисюрлиль. – Али отдашь уже мне?

– Нет... – поморщилась я, запахиваясь в большой платок, от Его глаз, хоть и плотная ткань у рубашки, а Он просматривал всё, обжигая мне кожу. – Отнеси меня на Байкал.

– И всего-то? А этот, что, не захотел? Сияющий твой... как там его... Василько? – снова захихикал Он. – Ладно-ладно, не хмурься, моя радость. На Байкал, так на Байкал. Мне любовные разлады по душе, особенно, когда наказывают таких, как он – не подступишься, он даже голоса моего не слышит, вообрази, какая цельная душа!

Сатана посмеивался.

– А ты... не подурнела даже, бледная, правда... Но это – чепуха, на воздухе порозовеешь снова. Ладно, летим...

И вот... я в моём доме на Байкале. Здесь уже ночь, это на Москве значит, день догорает, вот как... почти сутки не унимался Нисюрлиль...

– Ты... спи теперь, – сказал Дьявол, «добрый», словно мой родной дядюшка. – На, огня тебе в очаг, чтобы не мерзла, а то отсырело тут всё, пока не было вас. Эти, твои люди, правда, подновляли, солнцу открывали, но без человеческого тепла любое жилище хиреет...

Очаг и, правда, запылал жарко в тот же миг.

– Одежд принесу, будет во что одеться. Богиня не должна эдак, голодранкой ходить худущей. Всё, спи!

Я и заснула. И спала, должно быть, сутки, а может, и более. Потому что проснулась от голода, и даже слабости. Но и об этом позаботился Люцифер – возле меня на вышитом покрывале лежали сочные фрукты, лепёшки, всё для того, чтобы восстановить силы.

На рассвете я вышла из своего дома, одетая в белое платье, вышитое золотом и алым шёлком спереди, причёсанная и полная сил, знала, что предстану перед моим племенем. Они ждали, потому что видели дымок от очага курившийся над домом, и, увидев меня, счастливо воздели руки, приветствуя. Я, улыбаясь, простёрла руки над ними и сказала:

– Здравствуй, мой славный народ! Надеюсь, в разлуке вы остались благополучны и здоровы. Я вернулась, чтобы как прежде защищать и оберегать вас. Чтобы освещать вам ночь и согревать ваши дни!

– Приветствуем, наша Богиня! – радостно закричали они.

Их вождь вышел вперёд, рядом шла его жена, и несла на большом блюде угощения для меня: лепёшки, вяленую рыбу

и мясо, молоко. Они опасались даже близко подходить ко мне, оставили всё это шагах в десяти с земным поклоном, глядя на меня с восторгом и ужасом. Уверена, они знают, Кто приходит сюда время от времени, и, глядя на общение Богини с Дьяволом, рисуют себе собственные мир. Такой, каким он и является на самом деле, где Свет и Тьма рядом. Хотелось бы остаться всё тем же Светом...

Не пошло и пары дней, как на Байкал явился Орсег, да не один, а в компании Викола. Выйдя на берег, они помаячили мне снизу скалы, пришлось слететь к ним. Сколько я не летала, более года, в Москве я не позволила себе этого ни разу, чтобы не быть застигнутой никем в большом и многолюдном городе. Это Огонь ничего не боялся, летал, как ему хотелось, тоже через сады и огороды, конечно, но всё же летал, я же сидела бескрылою курицей...

– Приветствую, друзья! – радостно воскликнула я, опустившись возле них.

– Привет и тебе, Аяя! – Орсег раскрыл объятия, я позволила ему легонько прижать себя к груди. – Вот, привёз тебе Викола, желает напроситься на постой. Примешь?

Викол смущённо немного взглянул на меня.

– Что это ты, Викол, вдруг на Байкал решил податься? Ничего не произошло?

Виколу, очевидно, было неловко, словно он не ожидал чего-то, или ожидал иного или вообще не думал, что станет тут делать, когда приедет.

– Да я... не то, что бы... я...

Но за него ответил Орсег:

– Разочаровался Викола в Вералге, – будто бы помогая ему, сказал Орсег, усмехнувшись, хлопнул в плечо. – Я всегда говорил, она – ведьма, как можно её терпеть? Так вот, в ней разочаровался, а тобой очаровался. Взмолился прямо-таки, чтобы я к тебе его отнёс.

Викола даже задохнулся, а я лишь хлопнула Орсега по плечу, чтобы глупостей не болтал, не смущал Викола, который мне всегда представлялся почтенным, если и не старцем, весьма пожилым, на это Орсег только рассмеялся.

– Ну, что ж, милости просим! – сказала я.

Подала им руки, и мы легко поднялись наверх скалы, а ведь когда-то я этого не умела, когда-то только сама могла летать... Но этого я не помнила, Арий рассказывал мне, то было до Завесы, получалось, после неё я стала сильнее...

...Я и, правда, был смущён, я принял решение отправиться вслед за Аяей на Байкал, а я не сомневался, как остальные, что она здесь, сразу, как узнал об том, что она подалась из Москвы. Я собрал свой нехитрый скарб: книги, какую-то одежду, в основном шубы, тёплую обувь, немного золота, сколь нашёл, золото лишним не бывает, и, главное, книги. Мех получился немалый, Орсег, который явился на мой зов без промедления, услышав мою просьбу, долго и удивлённо смотрел на меня, но вопросов задавать не стал, а вот на мех посмотрел с сомнением и сказал:

– Промокнет всё.

– Н-да... об это я не подумал... – сказал я, почесав в затылке. – Но ладно, просушим...

– Просушить... это, конечно... Что у тебя там? Книги, небось? Гляди, пустые пергаменты привезёшь.

– А ты поспешай, – сказал я, пожимая плечами. Что же мне теперь, книг с собой не брать? Там, на Байкале, не то, что раньше, ныне городов нет.

Но на это Орсег только рассмеялся.

Потом он расспрашивал меня о причинах такого неожиданного решения, но мне недосуг было объяснять, мне казалось, Вералга бежит сзади и, если поймает, непременно убьёт. Сам не знаю, почему я так думал, но именно это всё время приходило мне в голову.

Вот и пришлось нырнуть с Орсегом и теперь выходить с ним на берег похожим на большого мокрого индюка, думаю, Аяя так и подумала про себя, увидев нас. Но я готов был к тому, что она и на смех меня поднимет, хотя чувствовал, что она делать этого не станет, каким бы смешным я ни выглядел в её глазах.

Здесь, на берегу Байкала, Великого их Моря, где она родилась некогда, на воле скал, ветра, волн, она выглядела совсем иначе. Не маленькая и хрупкая, как в окружении домов и толстых стен, но высокая, вольная, сильная, со свободно льющимися волосами, с не сходящей улыбкой, казалось, за спиной у неё крылья, сияющая. К тому же, в удивительно

красивом платье, сшитом не по теперешней моде, но моде тех, что нашивали здесь во времена Галтея, Марея и самой Аяи. Она не держала глаза долу, как было принято на Руси, и в Европе, она смотрела в глаза открыто и улыбалась смело и легко и без смущения, приветствуя, обняла меня и Орсега. И в воздух подняла нас, вознося на скалу, с которой к нам слетела, и мы увидели большой кругло построенный дом, обтянутый шкурами белой лисы, и ещё два, стоявших немного ниже – покрытых медвежьими и волчьими шкурами, и еще два – лисьими. А под склоном скалы, до самого леса простиралось поселение, небольшое, но и немаленькое, из таких же вот круглых домов из брёвен, но поменьше и без покрывающих их шкур, с отверстиями в кровлях, через которые курились дымы очагов.

– Аяя тут Богиня у них, – с улыбкой сказал Орсег, подмигнув Виколу. – Как некогда в Элладе или Кеми. – Я рад, что ты вернулась сюда, Яй, не место тебе в нынешних городах Руси или Европы.

Конечно, Богиня, кто ещё?.. Такой она и глядела, такой её нынче видел и я, но помнил и прежнюю девочку, старательно постигавшую науки, которым я её учил...

– Дома Рыбы и Дамэ, и вот те два пустуют, можешь занять любой из них, пока тебе построят твой, это быстро, дня два-три не больше, – сказала Аяя.

– Они станут строить мне дом? – удивился я.

А Орсег только посмеивался, поглядывая на меня, он-то

знал здешние правила, успел разобраться.

– Конечно, теперь же и попросим, – как ни в чём, ни бывало, сказала Ая, сияя. Она всё время сияла, даже, когда не улыбалась, даже когда не смотрела на меня вовсе.

Она угостила нас местной трапезой: рыбой, запеченной с овощами, вроде репы, и травами. Лепёшки белые, даже вкуснее, чем где бы то ни было, впрочем, я сразу вспомнил, на Байкале и прежде хлеб был очень вкусным, пшеница вызрела за лето славная. А овощи тоже из прежних, но одичавших за тысячи лет, Ая с Рыбой и Дамэ, оказывается, приложили немало усилий, чтобы найти тут остатки всего этого и научить здешнее племя всё это выращивать. Они, эти люди, оказались выходцами вовсе не из этих мест, Ая, смутившись, не захотела говорить, откуда, сказал Орсег:

– Островитяне они, Вик, с того самого острова, что я навеки потерял в океане, но я помню их отлично. Вот только, как из той дали удалось перевезти сюда всё племя, ума не приложу. А может быть, всё одиннадцать веков и перебирались, а, Яй? – он пытливо посмотрел на Аю, но она только отвернулась. Орсег перестал спрашивать. На том морской повелитель на сегодня и распрощался с нами, пообещав привезти новостей.

Дом мне и вправду выстроили очень быстро, и вскоре я зажил в нём, что стоял немного ниже домов Дамэ и Рыбы, и обтянут был шкурами росوماхи. Но вдвоём мы с Аей оставались всего один день, в течение которого она, слетала в

лес, пригнать своим людям зверей для охоты, а после мы с ней трапезничали вместе тем, что нам приготовили её люди. Она объяснила, что не готовила здесь сама исключительно потому, что они и умолили её оказать им честь кормить её, как было в то время, когда она была их Богиней на острове.

– А всё же, как ты перевезла сюда почти три тысячи человек? Орсег сказал, они жили на острове в южном полушарии, это же тысячи и тысячи вёрст.

– Перевезли чуть больше двух с половиной тысяч, это уж прибавились за пять лет, – сказала Аяя.

– Ну пусть так. Всё же, как?

Аяя вздохнула, поднимаясь из-за стола, ибо стол мне тоже сделали, а были мы в моём новом доме, где я должен был ночевать только во вторую ночь. Вчера мы ужинали у неё в дому, сей день она пришла ко мне.

– Не расспрашивай меня о том, Викола, это... не надо этого знать никому.

Это было странно, до сих пор Аяя была всегда очень открыта и откровенна. Я не стал настаивать.

А наутро наше поселение пополнилось Дамэ, его, как и меня принёс сюда Орсег. Аяя обрадовано обняла его, смеясь, и хлопая по плечам, спросила, где же Рыба. Но он ответил только, что Ван попросил её остаться с ним.

– Вон, как... И... Как... как... он? Как он сам? – спросила Аяя, грустнее и отворачиваясь, чтобы мы не видели её лица.

– Что спрашивать, как? – немного нахмурился Дамэ. – Ка-

жется, ничего неожиданного не может быть в том, как он. Ты... Пусть он виноват, но разве надо было так-от?

– Не надо... и сомнений нет, что не надо... – нахмурилась Ая, бледнея. – Но... я... всё отняли у меня, я готова была пожертвовать свободой ради того, что... что у нас с Ваном было. Но... он решил иначе, за нас обоих...

Она вздохнула, словно преодолевая слезы, мне еще предстоит привыкнуть понимать ее.

– Не надо, Дамэ... не надо заставляя меня объясняться, я не смогу объяснить, чтобы вы могли уразуметь. Вам никогда этого не понять. Не понять никому, кроме женщины, у которой отняли дитя... и человека, которого обманули во всём... потому я не могла оставаться дале, а Ван... не отпускал. Вот и... рассердилась я.

– «Рассердилась»... Сатана только и ждёт, когда мы не владем собой, чтобы подвернуться. Как ты не понимаешь?! Уж ты-то, кажется, должна уже понимать!

– Понимаю я... но...

– «Но»! «Но»! Ты слышишь, Викал, «Но»! – я впервые видел Дамэ таким возбуждённым и рассерженным, и впервые слышал, чтобы он так говорил, с кем бы то ни было, тем паче с Аяей. – Боги... Аяя, зачем ты распахиваешься? Раскрываешься Ему? Он вползёт так, что ты не заметишь, пока уже ничего не сможешь изменить. Подумай, прежде чем снова звать Его.

– Хорошо, Дамэ... я и сама думала, но... Он является

Сам, когда Ему вздумается.

Дамэ кивнул.

– Потому я и явился сюда. Охранять тебя стану от Него. Ая улыбнулась на эти слова и снова обняла его.

Так мы и зажили здесь, на Байкале, который теперь был совсем иным Байкалом, только солнце, воздух, и впрямь наполненный волей, и само Великое Море оставались прежними. До самой зимы всё было однообразно и спокойно, пока нас не посетила Басыр со своим обычным облётom и тогда Ая спросила её, не слышала ли она как там на Москве. Басыр вскользь взглянула на неё своими блеснувшими на миг раскосыми глазами, и сказала, мгновение поразмыслив:

– Ничего особенного, о чём стоило бы рассказать. Живы да здоровы, приветы шлют.

Орсег тоже особенных новостей не принёс в свою очередь, сказал, что видел Вералгу, и она сказала ему, что всё благополучно и ладно, что Ван живёт-поживает, да добра наживает. Дескать, без дрянной жены, и добра сразу больше стало едва ли не во всей Москве. Говоря это, Орсег посмеивался, поглядывая на Аяю. Она лишь вздохнула:

– Вот и... слава Богу, – но горло дрогнуло при этом, выдавая волнение.

Мы с Дамэ переглянулись невольно, Орсег при том только посмеивался, угощаясь левашами с черемшой.

Всё так и текло спокойно и размеренно, Сатана, действительно, появлялся за это время несколько раз, но Дамэ неиз-

менно оказывался рядом, и хотя Дьявол не видел и не слышал его, но именно поэтому Дамэ мог помочь, так он мне и говорил: «Встречаю в разговор и останавливаю её от необдуманных слов, а то ведь одно слово за другое, и готово – Он цепляет и тянет за собой». Что ж, Дамэ виднее.

Зима подкатилась к середине, когда в один из дней Аяя неожиданно пропала. В этот день мы в полной мере почувствовали своё бессилие перед теми силами, что нам неподвластны и даже пред теми предвечными, которым дано больше, чем нам самим. И нам пришлось терпеливо ждать, прежде чем мы узнали, что же произошло...

А тем временем на Байкал явились Арий и Эрбин, прилетели на своём самолёте, исхудавшие и усталые донельзя, и я подумал, удивительно, как мы снова собираемся все вместе, интересно, надолго ли? Туземцы унесли на руках их самолёт со склона, чтобы не снесло ветром, при этом проявляя самое искреннее почтение даже к изрядно потрёпанной деревянной птице, что говорить об тех, кто прилетел в ней. Тут мы и поняли, что два дома из лисьих шкур были их, великих байкальских близнецов. А сами Арий и Эрбин, не в силах даже есть, свалились богатырским сном аж на трое суток, успев только спросить, где Аяя и не получив от нас ответа, потому что мы не знали, куда она пропала внезапно и без предупреждения, оставалось только надеяться, что с ней не произошло никакой беды...

...Правда, всё произошло так неожиданно, что я не имела возможности даже слова молвить моим друзьям. Ночью в самой середине зимы, вскоре после Солнцеворота, или, как считали теперь всюду в Европе и на Руси, на Рождество, в моём доме оказался нежданный гость – малюсенький большеухий мышонок, но он не собирался грызть лепёшки или полакомиться молоком, оставшимся в кувшине, он явился с посланием. И не просто, а предсмертным... Спрашивается, было ли у меня время предупредить моих близких?

Я не стала ни раздумывать, ни взвешивать, опасно ли мне снова звать Люцифера на помощь, я бросилась к Нему за помощью, позвала и тут же перенеслась туда, откуда было доставлено послание – в Москву, в темницу, где, оказывается, уже несколько месяцев держали Нисюрлиля. И никто, ни Басыр, ни Орсег не сказали об этом. Неужели они не знали? Чуть не плача подумала я.

Какая причина была к тому, чтобы его заточили, не имеет значения, но он... не собирался выходить отсюда, и теперь его ждала казнь. Это живо напомнило мне Ивуса, и страшно резануло по сердцу.

– Нисюр!.. Боже мой... Боже мой... Нисюрлиль... – прошептала я, остановившись в шаге от него, не решаясь броситься сразу же на шею, думая, а что, если он избит и ранен и я причиню ему боль? Исхудал и изможден, глаза горят нездоровьем. Всё правда, он в темнице и ждёт казни...

– Не сразу казнят-от, – улыбнулся Нисюрлиль, глядя на

меня, и, тоже не делая попыток подойти, словно не решаясь, ему и сделать это было непросто, он был в железе, но не избавлялся от него, хотя мог без труда сделать это, – Вначале пытки. Завтра начнут. Вона, скоро рассвет, хорошо, что зимой ночи так длинны, я не чаял не то, что увидеть тебя, но даже до казни дожить... Ты... похорошела, – он улыбнулся так, словно смотрел на солнце. – Очень похорошела... Должно быть, тебе хорошо там...

Он всё же шагнул ко мне, громыкнув цепью и грубыми кандалами, это его движение и меня толкнуло навстречу ему.

– Нисюр, милый! – я прижалась к нему всем телом, несмотря на затхлость и сырость темницы, на то, что в баню его, конечно, никто не водил всякий день, потому его покрыла грязь, несмотря на это он пахнул своим милым мне телом больше, чем его нечистотой. – Милый... Почему ты здесь? За что?! Боги, за что тебя могли кинуть в темницу? Неужели кто-то дознался о подмене?

– Нет-нет, с Митей всё хорошо. Всё хорошо, – улыбнулся он, прижимая меня к себе, и погладил по волосам, зажмурившись от удовольствия.

Я не могла видеть его лица в этот миг, я просто всё это чувствовала.

– Летим отсюда, прошу тебя? – попросила я.

– Нет, Яй, мне незачем выбираться отсюда, если возле тебя мне нет места. Нет... никуда я не полечу. Пусть пытаются, пусть топят и жгут, пусть вывернут все кости, а после разо-

рвут на части, мне это только доставит радость, хотя бы не стану думать, как прожить следующий день без тебя. Нет, Яй, никуда я не полечу. И... спасибо, что откликнулась и так быстро...

Он отодвинул меня, чтобы посмотреть в моё лицо, погладил пальцами по лицу, по шее, качая головой.

– Мы все выбираем, мы выбираем на каждом шагу, и ты выбрала. Свободу, не меня. Но я не могу мириться с этим твоим выбором. Значит, я умру...

Надо же, что взял себе в голову, наверное, в темнице этой надумал. Тогда я уже в отчаянии обернулась по стенам, мысленно вызывая Люцифера. Он Сам не появился, но уже в следующий миг мы вместе с Нисюрлилем оказались в нашем доме.

– Как тебе не стыдно... – проговорил Нисюрлиль, усаживаясь на постель, и потёр запястья, на которых были красно-чёрные многодневные раны и ссадины. Вот на что мучил себя?..

Я села рядом с ним, взяла за руку.

– Надо смазать, – сказала я.

– Не надо ничего, само заживёт, – Нисюрлиль отнял руку.

Я встала, я знаю, где у нас были снадобья, а потому встала и сходила за ними, Нисюрлилю хватило здравого смысла позволить мне обработать свои раны и перевязать. Пока я мазала его бальзамом, он шипел и морщился.

– Ну вот... теперь хорошо заживёт.

– И на том спасибо.

Я убрала все баночки в ларчик и заперла его, мы всегда так делали с Рыбой, потому что при неумелом обращении все они могли стать опасными.

– Что, улетишь теперь? – спросил Нисюрлиль, вкось взглянув на меня. – Учти, едва ты улетишь, я вернусь в темницу.

– Вот так?

– А ты как думала? Я готов был умереть, но ты прилетела ко мне. Зачем, Яя? – теперь он смотрел уже прямо и так, что солгать нельзя. – Если ты не любишь меня и не хочешь со мною быть, почему прилетела? Зачем?

Я пожала плечами.

– Не знаю... первое, о чём я подумала, это сейчас же спасти тебя. Ты... мне дорог, ты отец моего сына... – у неё дрогнуло горло, и голос осип, – нашего мальчика, я... Я... люблю тебя, все же... и, похоже, больше, чем ты меня.

– Лжёт она, – вдруг вмешался Люцифер, появляясь около нас.

Он стоял напротив, как раз возле того столика, на котором стоял ларчик с лечебными снадобьями.

– Она к любому бы полетела на помощь. Скажу больше, кошка застряла бы иде, и позвала, Аяя и тут явилась бы спасти.

Дьявол щелчком открыл замочек ларца, достал один из пузырьков, с каплями дурмана, между прочим, и произнёс,

взглянув на Нисюрлиля с ухмылочкой.

– А ты... всё-таки человек. Какой-никакой... Правда, меня вот слышишь только когда она рядом, как проводник для меня. Вот ты думаешь, она чистая и прекрасная, Богиня Любви, твоя жена, мать твоего сына, мальчика, что станет избавителем твоей Руси, что она, эта чудесная женщина любит тебя, потому примчалась за тридевять земель. Но она всего лишь тебя пожалела. С самого начала и тем паче теперь. Как... какого-нибудь оленёнка! – Люцифер захохотал.

От этого хохота Нисюрлиль вздрогнул, выпрямляясь, словно его хлестнули бичом. Я только сжала незаметно его локоть, да, я подверглась Сатане, но ты не слушай Его, не слушай...

Нисюрлиль выдохнул, на скулах вспыхнули пятна, он словно встряхнулся и произнёс непринуждённо:

– Что ж... Ничего обидного, на то и Селенга-царица.

Люцифер выпрямился, лицо подурнело, на нём проступила злоба, и вместо прекраснейшего юноши на нас глянул злобный старый калека. Зашипев, он смахнул ларец со стола, всё рассыпалось, разлилось, разлетевшись по полу.

Глава 3. Игры Сатаны

Разноцветные капли поблёскивали на полу, жаль, конечно, мы вместе с Рыбой собирали травы и готовили снадобья, вымачивали, варили, настаивали, строго соблюдая не только время каждой «процедуры», но и фазы Луны, время года до дня, и время суток, что-то положено было собирать на рассвете, другое в полночь, а то при дожде и никак не в сушь, а что-то только ежли стояло не менее седмицы сухих дней, что-то сразу из-под снега, но токмо ежли растаял он не ранее Весеннего Солнцестояния. Так что собирали мы это всё на Байкале и готовили не один год и много по-настоящему чудодейственных средств. Но... зато никто и не отравится.

Сатана исчез, как и не бывало, а мы с Нисюрлилем остались вдвоём. Стало тихо, только с улицы долетали звуки раннего утра, проскрипели мимо какие-то телеги, собаки начали утренний перебрёх, приветствуя утро, перекрикивались, наверное, через улицу какие-то бабы, пока на них не прикрикнул мужской голос, город просыпался, скоро и небо начнёт светлеть сквозь низкие облака. А у нас на Байкале небо почти всегда ясное...

– Нисюр... можешь показать мне... нашего... сына... нашего мальчика? – тихо проговорила я, дрожа, потому что думала об этом все последние месяцы. Только об этом, только о нём и о том, как он там растёт, наш малыш...

Нисюрлиль посмотрел на меня.

– Яй... может быть... не рвать себе сердца-то?

– Не рвать? – вздрогнула я.

– Д-да... Я и то перестал наведываться, как увидел, как он... улыбается... трудненько перестать думать, что он... мой сын. Наш сын. Так то я... а тебе... тебе труднее, по-моему?

– Покажи, Нисюр? Прошу тебя... прошу... тебя...

Он кивнул со вздохом, взял меня за руку и мы оказались в той же просторной горнице, что и прежде, когда он в первый раз показал мне его здесь. Мамка как раз мыла его и переодевала, ласково приговаривая, похлопывая любовно и подбрасывая, и лицо у неё при том светилось, добрая женщина... Он очень порос, мне показалось, едва ли не вдвое, потому что вспоминался он мне таким крошечным, а стал уже справным малышом, глядел на мамку и улыбался румяным ротиком, блестя весёлыми тёмными глазами, протянул к ней ручки, к ней... не ко мне...

Сердце тукнуло и бросило мне жаркую волну в лицо, хлынув слезами из глаз, я зажала рот, удерживая рыдания. Нисюрлиль прижал меня к себе, и мы вернулись домой. Он гладил меня по плечам, целовал мои волосы, прижимая к себе.

– Говорил же... Говорил, что... тяжело, Яй...

Я не могла успокоиться долго, уж рассвело, когда нашла в себе силы умыться и перестать всхлипывать, заливаясь новыми волнами слёз. Услышала нас Рыба и прибежала сю-

да, наверх, захлопала руками, как крыльями, обнимала меня, радостно вскрикивала, то отпускала, то снова обнимала и меня и Нисюрлиля.

– Освободили! Освободили! Ах, ты, Васятка! Хороший! – она сгребла его. Даже он в её большущих руках показался небольшим, тонким. – Это же надо, касатка, в чём обвинили его, Васю нашего, что и тебя, и Викола порешил, от ить! И Вералга ишшо наболтала невесть што... Ох, касатка, от хорошо-то, што ты явилася, энти всё и поняли и отпустили! Нешто можно без вины людей в темницы кидать?! Ох, касатка, от натерпелися мы тут страху! Што ты!

– Что же ты не прислала весточки-то, Рыба? – сказала я. – Ну этот, ладно, упёрся, а ты? Ты-то?!

– Дык я... даже што-то... и правда, почему не послала весточки... Токмо... откуда ж было знать, што ты можешь явиться-то, Аяй... – хлопая босыми глазами, сказала Рыба. – Ты же, как он не можешь перемещаться... ну я... Думала, што будешь мучиться зря, а всё кончится само собой, ить не могут же иво засудить-то, ить это вовсе буит... какая-то дикось... вот и... подумалось: разрешиться всё, тогда и рассказать мочно... а... а ты... как ты узнала? И явилася! Как смогла-то?.. Дак... што вы тут-то, давайте-ка вниз, угощу, чем Бог послал, есть что поесть, хоть и одна тут с деушками, а стряпаем как надоть. Ждали каждый день, каждый день, што Вася воротится, штобы было чем угостить.

Мы спустились в трапезную, Рыба и одна из сенных при-

несли одно блюдо за другим, и с левашами, и со сметками, большой пирог с белорыбицей, холодное мясо, пока я не остановила:

– Куда ты, куда, Рыба, уймись! Куда столько?! Хватит.

Но Рыба посмотрела через плечо, качнув головой:

– Тебе можт и хватит, а Вася-то мущина, ему што два пирожка, ты смеёшься?

Я не стала спорить, Нисюрлилль только посмеивался и принялся за еду с удовольствием и даже с какой-то радостью. Мне показалось, он полдня утолял голод, али, быть может, нарочно время тянул? Думал, что я тут же назад унесусь, что ли?

– Нисюр... тебе тут теперь нельзя оставаться, уж обнаружили, поди, что ты... сбежал. Искать станут, сюда первым делом придут, – сказала я.

Он только выпрямился, утирая, даже скорее оглаживая с удовольствием, бородку.

– Увидят кандалы неразомкнутые на полу, вопить примутся, крестясь, прочь побегут, не зря ведь и в баальстве обвинили меня, – усмехнулся Нисюрлилль.

– Всё равно опасно... Нисюр...

– Может и так... Но, Яй, мне всё одно без тебя не жить, так что... Вот спасибо за радость видеть тебя, да Рыбе, конечно, земной поклон за угощение, – он приложил руку к груди.

– Аяя, да ты што, уже коли вернулась, так... – заговорила было Рыба.

Но Нисюрлиль взглянул на неё, она осеклась и подхвати-
лась уходить.

– Я эта... я што ли... пойду... э... погляжу, там... э-э
брюкву перебирать сели, так ить гнилья набросают, попута-
ют, за всем глаз да глаз... Хозяйство... оно ить небрежения
не терпит...

И скрылась за дверью. Нисюрлиль улыбнулся.

– Ох и объелся я нынче, и чего набросился, вроде и не го-
лодный был... – выдохнул Нисюрлиль, отодвигаясь от стола
и вытирая пальцы рушником.

– Нисюрлиль, надо убираться отсюда, – повторила я.

– Это ты с собой зовёшь, на Байкал? – он развернулся и
посмотрел на меня, то ли улыбаясь, то ли сердясь, словно не
верил, что я могу позвать, будто и не ждал этого. – Али не
доверяешь мне? Больше не доверяешь, потому и любить не
можешь?

Я только рот открыла ответить, что зову, несомненно,
как иначе, как ещё ему спастись? Да и люблю его, милого,
что притворяться, не уйдёшь от этого, люблю... Жить, как
прежде... не знаю... не знаю, что будет дале, Бог покажет, а
что до остального, главное теперь не это...

Но едва открыла рот, собираясь ответить, как рядом с на-
ми оказалась Вералга, бледная и даже какая-то взлохмачен-
ная, притом, что я ни разу не видела её неприбранной. Мы
с Нисюрлилем обернулись оба, растерянные, едва ли не на-
пуганные.

– Ишь ты... Она... она, конечно... конечно, конечно... здесь... кто ж ещё... сам он не стал бы выбираться... ни за что.... А, ну! – она схватила его за руку.

– Да ты что?! Никуда я без Аяи не... – отпрянул Нисюр-лиль, вырвав руку.

– Ладно уже ломаться! – прошипела Вералга. – Стража сюда идёт! – она дёрнула нас обоих за руки...

...И вот мы уже в доме Вералги, али не в её доме, но обстановка как у неё вроде... Я удивляюсь, как она посмела, как набралась смелости явиться ко мне, и вот так ещё, само-вольно, хватать меня за руки! После всего, что натворила, что наговорила...

Я вывернул руку из её пальцев, цепких и сильных, и ледяных при этом. Аяю она сама оттолкнула, отчего та, едва не упала, споткнувшись о лавку. Вералга накинута на неё с криком, даже рыком:

– Ты! Ты, паршивая лживая тварь! Девка!

И обернулась ко мне, сверкая злыми зубами:

– Она лжёт тебе, лжёт, а ты слушаешь! Как ты глуп! Как все мужчины, как видите её сладкое личико, так и таете! И ничего не видите иного! Люцифер! Забирай свою девку! Свою шлюху! И не пускай больше к нему! Ты обещал! Обещал мне! Почему она явилась?!

И Аяя пропала в тот же миг. А я бросился на то место, где она только что была, но опоздал, опоздал, её не было здесь уже. Я развернулся к Вералге, готовый придушить её, про-

клятушку ведьму.

– Ты... злобная ты... злобная ведьма! – вскричал я, едва-едва удержавшись, чтобы не вытрясти из неё её подлую ледяную душу.

Но она вдруг повалилась на колени, воздевая руки ко мне. Я отпрянул.

– Убей! Убей, ежели хочешь! – воскликнула Вералга. – Ежели подыметя рука твоя на женщину, что нашла тебя! На ту, что выбрала из смертных, разглядела и поняла, что вышнее существо! И... И на ту, что... что полюбила тебя всей душой! всем сердцем! Так, что потеряла и разум, и волю! Убей! Убей, чем жить так, лучше умереть! Лучше умереть... – зарыдала она, закрываясь от меня, и сползла на пол, сразу превратившись в кучу, состоящую из жестких парчовых тяпок, юбок, рукавов... – Лучше умереть... Я люблю тебя!.. Я люблю тебя... Ван... тебя желаю... только тебя... слышишь, Василько! Люблю тебя, Ван! Василько... люблю... так, что себя не помню... Не помню ни себя, ни мира, ничего и никого... только один ты, ты один... Ты один... один ты... Васи-илько...

Я опешил, многое я мог ожидать, но только не этого. Дьявольское наваждение какое или что? Какая там может быть любовь? От Вералги? Только безумец мог так думать. Да и заподозрить невозможно... хотя, если и возможно было, на что она мне, и тем паче её любовь? Боже мой... взмолился я в испуге, но Бог молчал. Молчал... не говорил со мной. По-

чему Дьявол всегда рядом, а до Бога не докричатся?.. Моё сердце сей миг лопнет, снова отняли, оторвали Аяю, но ОН не слышит... не слышит...

– Что ты... что ты молвишь такое... несуразное... – пробормотал я, отшатнувшись и, не делая попыток поднять её, сам без сил сел на лавку, а лавки у неё в доме богатыми персидскими коврами покрыты, как и полы, не мелочилась Вералга никогда, и в Новгороде у неё с Виколом был богатый дом, и в Нормандии. Я и сам любил богатство и роскошь, но мне нищему сироте, простительно, а Вералга... а впрочем, сама Вералга, кто знает, как росла она?

Вералга опустилась рядом и продолжила со вздохом, подняв плечи, будто бы устало, и едва ли не преодолевая боль:

– Вообрази, Ван, тысячи лет... Хотя, что я, тебе вообразить сие трудно, ты первую младость живёшь, какие тыщи... – она вздохнула. – Но просто вообрази, ты же умён и тонок, чувствительный и чувственный человек, не болван деревянный... Живёт женщина тыщи и тыщи лет, не зная ни любви, ни тем паче страсти и вдруг в её сердце загорается огонь, невыносимое, всё сжигающее пламя, которое не щадит ничего, ни её, ни её налаженной жизни, ни уважения ближних... Я на всё готова только бы... Ван, только бы ты... ну чтобы ты... Ты был со мной?

– Ты с ума сошла? – сказал я, чувствуя, как у меня холодеют виски.

Она точно сошла с ума, если думает, что я буду с ней, если

я оставлю Аяю ради неё. Но Вералга словно предугадала мои мысли и слова.

– Она не любит тебя, Ван. Никогда не любила и никогда не полюбит. В её сердце всегда был и будет Арий, ты можешь хоть златом с ног до головы покрыться, а он – дерьмом, и он выиграет. Он всегда выиграет. Всегда... Тебя для неё нет. Она живёт тысячи лет и все эти тысячи любит только его. Ради него способна на всё, даже умереть... Больше – опозориться... Всё потерять, унизиться, стать изгоем... что перед людьми, перед своими, перед предвечными... такое уже было. А для неё... для неё ты... Ты для неё ничто... Ничто, Ван, неужели ты этого не понимаешь? Не видишь? Не чувствуешь? Ты бежишь за ней, как все остальные, как Арий, как Эрбин, как Орсег, или дурак Викал, но она ускользает ото всех вас, ей никто не нужен, никто из вас, все вы для неё... ничто...

– Хватит, Вералга... – выдохнул я бессильно, не думая спорить, просто не имея сил слушать её. – Это нет так...

– Не так? Не так?! – вскинулась Вералга. – Как же не так, ежели она всё время притворно бежит от вас всех, этим завлекая, утягивая за собой как омут, как капкан, как проклятая ловушка. Неужели ты думаешь, что она любила тебя хотя бы миг?!

– Хватит...

– Не любила никогда... она вообще... не способна. Подумай сам, такая красивая, совершенная, разве могло быть та-

кое, что она любит кого-то, сидит у очага и ждёт мужа?

– Она предвечная... Богиня, ей и не положено в пещере у очага сидеть, она несёт чудо, свет красоты людям. Они видят её, и в душах их встаёт солнце... – сказал я.

Вералга выпрямилась, глядя на меня, помолчала некоторое время. Но потом сказала всё же:

– Ну уж... солнце... Пусть и так. Но тебя она бросила. Едва ты... ты даже не ошибся, ты ничего не сделал такого, что надо было этак... чтобы ты... чтобы едва не умер без неё... А она и не дрогнула – оставила тебя...

– Я подло поступил с ней, не поверил, что она может верить в то, во что верил я... думал...

– Ты всё верно думал, Ван, никто на твоём месте не был, никто и никогда не провидел великого будущего своей страны и своего народа, ты пожертвовал всем, самым дорогим ради этого. Никто на это не способен... Никто, ни смертный, ни предвечный, только ты. Ты великий человек и великий предвечный. Быть может, величайший и самый сильный из всех...

– Замолчи! – простонал я и прижал кулаки к пульсирующим вискам, страдая.

– Не замолчу! – воскликнула Вералга, и мне показалось, что она превратилась в какую-то жуткую птицу, у которой вместо крыльев тяжелые парчовые крылья...

– Не замолчу. Это правда. Никто не велик душой как ты. Никто не одарён так, как ты. Никто не обладает такой силой,

как ты. Силой души, не токмо, Силой, что входит во всех нас при рождении и открывается при посвящении... Ты – единственный, по-настоящему великий предвечный. Все прочие лишь мелкие существа. Пешки в любой игре, какую бы ты ни затеял...

– Что ж ты... говоришь-то... – вымученно пробормотал я.

– Ты видишь, она бросила тебя. Снова бросила. Она всегда будет тебя бросать. Пользоваться и бросать... Хочешь быть её вещью?

– Хочу... – выдохнул я, понимая в отчаянии, что уже не имеет значения, чего я хочу, ближайшие годы, быть может, сотни лет, мне Аяи не видать, Вералга взяла всё в свои руки, потому что её за руку держит Тот, Кто сильнее любых людей, даже предвечных...

Господи, лучше бы меня четвертовали...

Оказавшись в моём доме на Байкале, я не устояла на ногах, потому что Он не опустил меня на землю, а швырнул, как кошку.

– Ты... Люцифер... ты теперь... Ты слушаешь Вералгу?..
Пусти, пусти меня к нему!

Но Он лишь захохотал, мягко, как ночная сова, опустившись в середине моего дома и даже не складывая крыльев, которые опрокидывали все, что оказывалось у них на пути.

– Я никого не слушаю, ты знаешь, – сказал Он. – Но просьбы тех, кто мне отдаётся, я могу исполнить, ежели то мне по

нраву. Но ты...

И вдруг Он схватил меня за шею и придавил к усталому полу, сдавил несильно, но и это было уже страшно, до сих пор Он не мог прикасаться ко мне, не обжигая рук...

– А теперь могу... – радостно пошипел Он, отвечая на мои мысли, и сверкнул глазами. – Да, моя милая!.. Ты обращаешься ко мне, и я становлюсь ближе. Всё ближе. Всё ближе и ближе... – прошипел Он, и я услышала, как внутри Него клокочет Ад. – Всё ближе и ближе... Скоро ты проснёшься рядом со мной, раздавленной мною шлюхой... и будешь рада быть моей рабыней. Скоро, совсем скоро, Аяя!

Дьявол захохотал, задирая голову, даже стены дрогнули от его хохота, шкуры, хлопая, выгнулись наружу под давлением волн Его смеха. Он снова посмотрел на меня, торжествующе горя глазами:

– Твой Ван теперь в руках Вералги, как она просила, через неё я и получу и его. Не думай, что Вералга, что старше и опытнее тебя, а значит хитрее и мудрее, не сможет так улестить твоего глупого мужа. Нет ничего проще... чем чище человек, тем сложнее его взять, но и проще, потому что он бесхитростен и не замечает подлых хитростей в других. И Ван не заметит. Не заметит!.. Ты увидишь, каким я сделаю этого великого предвечного! И что он сделает с вашим миром тогда!

Он отпустил меня и поднялся, всё так же торжествующе усмехаясь.

– Остановись! Верни меня к нему! Верни туда! Верни! – воскликнула я, приподнимаясь на локтях.

– Не выйдет! Его хочет Вералга, и получит ныне. Ты же сама отказалась от него.

– Нет! Это не так! – воскликнула я, вдруг осознав, что свершилось непоправимое. – Нет, я не отказывалась!

– Нет, ты отказалась.

– Ложь! Ты саму меня пытаешься убедить... я не отказалась...

– Отказалась, – радостно усмехнулся Он, кивая. – Ты отказалась от него.

– Не смей! Я лишь убралась из Москвы, но не от него... не от него!

– Не от него? Смешно! А как же защита здесь от него, чтобы он не мог проникнуть? Разве не ты попросила меня об этом?

Я заплакала, зажимая рот руками, вынужденная признать Его правоту. А Люцифер захохотал, запрокидывая голову так, что выгнул шею.

– Нет, бросила, не лукавь самой себе. Нашла повод и бросила. Превосходно! Моя любимица! Именно этому я и учу вас всех: думать только о себе, о своих чувствах, только о своих желаниях. И ты сделала именно так! Напомнить тебе, как именно ты сбежала? Ты оставила его одного обнажённым и спящим. И ты не думала, что он почувствует, когда проснётся тогда. Не думала... И правильно, ведь в мире су-

ществуешь только ты одна. Так же ты не думала, что почувствовал Эрбин, когда ты бросила его в Нормандии? И Арий, которого ты приказала отправить от себя. Ты никогда не думала о них. Это прекрасно, это то, что камнями пригибает тебя к земле и спускает в Ад в мои объятия. Продолжай так же поступать с каждым сердцем, что откроется тебе, вынимай, и поедай души, чем мельче и суше они станут, тем полнее моя власть!

– Замолчи! – заплакала я.

Но он только рассмеялся.

– Прощай пока, прекраснейшая! Кусай локти, что отдала мне Вана, из-за своего высокомерия и слепоты! Бог шутит над вами, я – нет!

Я поднялась на ноги, чувствуя необыкновенную слабость и даже дрожь, словно я заболела. Сатана подошёл к выходу и распахнул полог, впуская внутрь морозный воздух, но Он не спешил выходить, обернулся ко мне:

– Счастливо оставаться! Зови снова. И почаще! Почаще, слышишь? – он растянул в улыбке красные губы, такие красные, словно он только что пил кровь. – Зови! Я буду рад. Очень-очень буду рад!

Он исчез, но холод остался, и в этом холоде я будто продолжала слышать Его смех, сотрясающий весь мой дом. Боже мой, что я натворила? Неужели Нисюрлиль остался беззащитен? Из-за меня... Господи, лучше бы я вовсе не рождалась на свет, от меня всем только горе...

Слёзы текли у меня по щекам, на шею, за ворот платья, я села на порог, солнце уже поднялось над горизонтом, и светило теперь ярко во всё небо, от чего оно переливалось от светло-жёлтого до синего, словно всё было из необыкновенных самоцветов. Так одиноко и страшно мне ещё не было, я всех предала, всех предаю всё время, никого так и не согрела сердцем... Всё крупнее и горячее слёзы, они жгут мне веки, жгут кожу, словно сделаны из едкого вещества, не из воды... такое высокое светлое, такое радостное утро и такая чернота в душе...

– Не надо, Яй, – это Дамэ, он всегда чувствует и слышит своего Создателя.

Вот и сейчас, он пришёл именно потому, что услышал Его. Он взял меховое покрывало и набросил его мне на плечи.

– Это именно то, что Он всегда делает. Всегда и со всеми. И я тебя предупреждал...

– Он теперь возьмёт Нисюрлиля.

– Он возьмёт только тех, кто отдастся. И никто никого не отдаёт и не спасает, это дело всякой души. Так что не надо терзаться несуществующей виной. Что до остального... Арий и Эрбин здесь, со вчерашнего дня, дрыхнут в Рыбином доме. Кстати, где Рыба? Так и осталась с ним?

Я вздохнула.

– Рыба пока в Москве... Не знаю, попросить Орсега перенести её к нам, или лучше пусть она останется с Нисюрлилем?

Дамэ пожал плечами.

– Пошли ей весь, ответит, будем знать.

Будем знать... А может быть лучше, чтобы Рыба была рядом с Нисюрлилем, чтобы... мне казалось, так сохранится хоть какая-то связь между нами, потому что теперь я понимала, что я предала его, он тот, кого я ввела в наш круг, я отвечаю за него и я от него отказалась... Не выдержав, я заплакала, что бы ни говорил Дамэ, а я виновата, как страшно совершать ошибку за ошибкой, всё время поворачивать не туда, открывать не ту дверь, неужели я всегда была такой?.. Голос Сатаны, холодом качаясь во мне, как язык в колоколе, гудел: «Я всё ближе, всё ближе!»...

Мы проснулись почти одновременно с Эриком, не знаю, как он, но я проснулся от голода. Открыв глаза, я долго смотрел вверх, где в отверстии для дыма было видно ясное и очень светлое небо. Ещё утро, до полудня не менее двух, а может и трёх часов. Я приподнялся, оглядываясь. Эрик тихо спал в двух шагах от меня, лёжа на толстом ковре из шкур, и укрыт таким же покрывалом. Я поднялся, надо отлить...

Я вышел на волю, интересно, Аяя вернулась или нет? Аяя... неужели... Господи, неужели, я, наконец, увижу её? И не при муже, а снова здесь, на нашей общей родине, на нашем Байкале, где, мне кажется, и силы у меня как нигде и мысли ясны, и сердце бьётся полнее.

Но вначале не без удивления я увидел Викола, а после

Дамэ, он кивнул мне.

– Аяя вернулась? – спросил я.

Он долго смотрел на меня, только потом кивнул, но хмурясь при этом и сказал:

– Не теперь, Арий. Она сама выйдет к вам, когда захочет вас увидеть, – Дамэ говорил как-то необычно строго. Но я не стал спорить.

Мы дождались только на другой день, а в течение этого дня мы наблюдали её только издали.

– Мы летели сюда несколько месяцев, а она не хочет с нами говорить, – сказал Эрик, как и я вынужденный смотреть на неё с расстояния двухсот шагов, в то время как местные жители начали строить нам по дому.

– Говорить... Она даже не смотрит в нашу сторону, – сказал я, покачав головой и размышляя, она не знает, что мы здесь или знает, но не хочет видеть.

– Похоже... что-то случилось? – Эрик посмотрел на меня.

Мы узнали, о том, что было в Москве в течение тех месяцев, пока мы добирались сюда, с Ваном и Вералгой, значительно позднее, только когда вернулась Рыба.

Но с нами Аяя поговорила, собрала всех нас, теперешних жителей Байкала, а надо сказать, здесь дышалось свободно как нигде на Земле, то ли потому что здесь мы были дома, то ли потому что люди, что жили бок о бок с нами, принимали нас так, как мы привыкли со времен первой молодости. И вот мы, четверо мужчин и одна женщина, собрались у костра

в один из тихих зимних вечеров, когда не выюжило, сиверко не завывал в лесной чаще, и вся природа будто притихла, а солнце уже село в густо-синие косматые тучи. Должно в ночь запуржит, не зря так всё стихло, кажется, даже потеплело.

Ая заговорила, не глядя нам в лица, она смотрела перед собой, в огонь и говорила, словно ей хотелось поскорее всё сказать и уйти в свой белый дом, почти не видный на фоне такого же беловатого неба.

– Я рада, Ар, и ты, Эрик, что вы здесь с нами, на Байкале, потому что лучше, чем на родине нигде не может быть. Оставайтесь здесь, сколько вам захочется, или сколько нам позволит судьба. Будем жить все вместе, по тем законам, что мы приняли некогда.

– Чьей женой теперь ты себя считаешь? – спросил Эрик, неожиданно и не к месту, рискуя всё испортить. Как есть балбес...

Ая посмотрела на него, но не ответила сразу, приподняла брови, вздыхая, и после снова уставилась на огонь. Погодив недолго, проговорила:

– Не будет больше ни мужей, ни жён. Вы можете брать себе жён из здешних, хотите, привозите издалека, чем больше детей народится, тем лучше. Я буду вам сестрой отныне, всем вам, как и должно было с самого начала, ибо негоже предвечным соединяться с предвечными, это порождает вражду и споры. Неспособны мы в нашей нескончаемой жизни, как положено смертным, пары свои чтить и сохранять...

Не хватает нам сердец на столько времени.

– Хватает, – сказал я, не выдержав безысходной тоски в её голосе и несправедливого приговора, что она теперь пыталась вынести всем нам.

Но она будто и не заметила, даже глаз не повернула в мою сторону, бровями не повела. Эрику ответила, меня не удостоила. Так и не простила, не простила мне злого моего безумия и ревнивой одержимости. Думалось мне иначе, когда я в Москве к ней летал. Но она была со мной милой и приветливой только потому, что была тяжела, счастлива этим, и не думала ни о чём больше. Теперь же... теперь, когда она столько потеряла, то есть, у неё было отнято, чего я хочу?..

– Незачем говорить теперь о сердцах... Никому ныне сердце тревожить не станем. Ни браков, ни споров, довольно... Довольно, – она посмотрела на нас, обведя взглядом поверх голов, бледна, как тень, на лице только глаза одни, да брови, ни цвета более, ни жизни, бледна, как не была и на одре в Кемете... – Довольно... Не след нам враждовать между собой, мир становится все теснее, и все меньше мест вроде этого, где мы можем быть самими собой.

– Я не согласен, – сказал Эрик.

– Никто не просит согласия, – холодно ответила Аяя, не взглянув более на него и ни на кого из нас. – Не захочешь жить в нашем лагере – Байкал велик, людей маловато, но нам, предвечным и без них ладно...

– Не слишком радушна ты к гостям.

– А ты не гость здесь, Эр, ты дома, – сказала Аяя, поднимаясь. – Дамэ прошу ночевать в моём доме, чтобы никому не закрались вредные мысли пробраться.

– Моих вредных мыслей ты не боишься? – усмехнулся Дамэ.

– Нет, у тебя их не будет, – невозмутимо сказала Аяя, вставая.

Что ж... это лучше, чем, когда мы нашли её беременной женой Вана, сияющей и счастливой, как в крепости в том счастье. Теперь вся крепость разрушена, развеяна по ветру... Нет ни счастья, ни уверенности, бездна разверзлась ныне под её ногами... И какая удача, что в том не моя вина, ныне нет моей вины ни в чём... Ничего, хорошо уже то, что мы вместе, теперь выдюжим...

Глава 4. Скольжение в веках

Годы потекли так медленно, как не могло быть, как никогда прежде не было, даже в моём голодном детстве, когда с рассвета до заката и с заката до рассвета, казалось не дожить в холоде да голоде, под дырявой крышей, али вовсе под открытым неласковым небом, под снегом и дождём. Теперь же... О-о-о... теперь каждый день, растянулся на столет. Что говорить о годах, и тем паче столетиях.

Мои предвидения сбылись совершенно, наш с Аяей сын стал тем, кем должен был, и первым поднял Русь на татар. Больше моя родина никогда не склоняла выю. Внутри неё происходило много всякого, но никто извне уже не мог покорить её, будто память о той победе навсегда вошла в кровь народа, и всем последующим поколениям уже никак нельзя было отступить после того, как Дмитрий, прозванный Донским, поднял Русь на дыбы против врага. Так что наши с Аяей жертвы оплатились сполна, и даже более чем я мог предполагать, навеки войдя в русскую кровь и плоть...

Я отпустил Рыбу к Аяе, сам попросил Орсега отнести её на Байкал, когда оказалось, что дом, куда она переместила нас вообще не в Москве, а в Пскове. Здесь мне ничто не угрожало, Вералга, что являлась сюда до меня, изображая ожидающую мужа, молодую женщину, и вот я, муж тот самый, и объявился. Пусть не слышала и не видела чадь, Вералга и для

них придумала объяснение: я приехал на рассвете, весь дом спал, услышала только она, «сердце тукнуло, разбудило!», все поверили.

Рыбе я сказал на прощание, чтобы присылала мне веси сама.

– Как же ты, Васенька... што же... А как же... Не сладили, стало быть, с Аяей? Упёрлась, да? Ох... – она грустно покачала головой. – Ну она, конечно... вишь, какова... ай-яй-яй... а ты бы сам. Ты бы не ломался сам-то, сам бы и...

– Нету мне хода к ней, перекрыт я...

– Ты-то? Ты всеильный, а она уж не прячется боле, это точно. Ну пообижалась поначалу-то, ты тож понять должен, делов-то натворил, немислимо... Но простила ить, сама явилась, что ж...

Я не стал объясняться и рассказывать, как было дело, но Рыба догадалась и сама...

– Я сам не могу тебя отнести на Байкал, мне туда закрыта дорога, вишь как... Аяе передай от меня... передай, что... что за Митей погляжу, и что... дождусь, когда Вералгин договор с Тьмой закончится... тогда и... Али... свой заключу, тогда поглядим, кто сильнее.

А вот эти мои слова не на шутку напугали Рыбу:

– Ой, нет, Васенька! Токмо энтого не делай! Не делай, прошу тебя! – вылупила глаза Рыба. – Потерпи, послушай меня! Токмо не бери Евойную руку. Токмо не это! Ты видишь, что с Вералгой теперь... рази ж она, добрая женщина,

сделала бы такое, ежели бы не позволила Ему нашептать себе? А теперь...

– А теперь... отправляйся, Рыба, к Аяе на Байкал, и не забывая присылать веси.

Она кивнула, и мы обнялись с ней, в этот момент из проруби выбрался Орсег.

– Звали, друзья? Что случилось?..

Словом, Рыбу я с тех пор не видел, как и всех иных предвечных, кроме Орсега и Басыр, что по-прежнему, как и было заведено законом, облетали всех. Как и Вералга в свою очередь три раза в год, я про себя подумал и не раз, почему никто и мне не вменит в обязанность посещать собратьев. Но, думается, Вералге не нужно было, чтобы я перемещался меж всеми... Мы с нею, переезжали, как принято у предвечных из страны в стану, жили двадцать-тридцать лет и «умирали», или уезжали.

Я стал мужем Вералге пусть не перед Богом и людьми, но, по сути. Она не решалась подойти ко мне с этим несколько лет, быть может, от меня ожидала проявления желания, но, не дождавшись, явилась как-то ночью, села на ложе, смотрела некоторое время, а после наклонилась и поцеловала. Что было ломаться, коли так теперь была устроена моя судьба?

Я не любил Вералгу. Даже если бы не было всей этой истории, если бы не жила в моей душе Аяя, я не полюбил бы Вералгу, как должно, как любят жён, я не видел в ней женщину, как ни странно, потому что властность и холодность

её не имели ничего общего с моим представлением о том, каковы женщины. Я позволил ей взять меня, потому что она этого хотела, призвав на помощь Союзника, с которым я не намеревался вступать в единоборство до времени, и я терпел, как просила меня милая добрая подруга моя Рыба.

Несмотря ни на что, Вералге не удалось убедить меня в том, что Аяя не любит меня и никогда не любила, благодаря, в том числе, и всяям, что приходили от Рыбы, да и от остальных. Я знал, что Аяя не выбрала себе никого ни в мужья, ни в любовники, и они там, на Байкале, жили все теперь вшестером как семья из сестёр и братьев.

Я много раз размышлял над тем, как использовала нас судьба, что мы впелись в историю, оставшись никем не признанными, и изменить её мы не могли, и, возможно, расплачивались ныне так дорого за свой вклад. И в прошлом предвечные вот так же невидимой нитью соединяли ткани событий, участвуя в них невольно, порождая целые религии, поддерживая, или снося тоны.

Надо сказать, Вералга несколько раз рожала мне детей, но, потому ли, что мой первенец имел такое большое значение для меня, или потому, что я не чувствовал ничего к Вералге, даже злости или желания отомстить за плен, в котором она продолжала удерживать меня, но я не чувствовал ничего и к нашим детям, просто играл роль мужа и отца и для них, не так это, оказалось, сложно. Куда сложнее быть мужем, когда любишь...

И еще сложнее не чувствовать, не видеть во сне ту, что поселилась в душе, не звать её, зная, что она не слышит, потому что веси от меня до Аяи могли проходить только через Рыбу...

Но, несмотря на мою неизбывную тоску в неволе и принуждении, я все эти долгие-долгие столетия не сидел, сложа руки. Я погрузился в науки, и каждый день благодарил мироздание за то, что мне дарована такая необыкновенно долгая жизнь, за которую можно узнать столько, сколько обычному человеку никогда не удастся, каким бы светлым ни был его ум. Но мои изыскания только поначалу были всесторонними, после они приняли определённое направление, потому что во мне зародилась идея как мне освободиться не только от плена, но и от Того, кто помогал Вералге в его поддержке.

Увлечённый своими опытами и исследованиями, я был вполне верным мужем, но Вералга, оказывается, не верила в это, как бы я ни пытался убеждать её. Она была уверена, что я, не пропускаю ни одной юбки, уже из одной мести ей. Это было не так, мне нужна была Аяя, а не замена ей, я не искал удовольствий на стороне, но Вералга имела собственное представление обо мне и о том, что я чувствую. Моей наукой она не интересовалась нисколько, быть может, будь иначе, она не только стала бы мне ближе, но и поняла бы, что и времени я на похождения по женщинам не имею. В результате по всей Европе немало ни в чём не повинных женщин

взошли на костёр, подставленные под охоту на ведьм Вералгой. Поначалу я даже не догадывался об этом, пока она сама злорадно не сказала мне.

– Ну что, очередная твоя потаскуха запеклась на костре. Доволен?

Я посмотрел на неё, не понимая.

– Что? О чём ты?

– Об этой Анне-повитухе, которая сверлила тебя своими наглыми глазами. Вон, сходи на площадь, ещё не весь размели кострище.

– Не понимаю, причём тут повитуха и я? – сказал я, недоумевая. – И тем более кострище?

– Её сожгли, эту ведьму! – радостно возвестила Вералга. – Не было никаких сомнений у судей!

Действительно, множество раз я слышал, что жгли людей, и особенно много женщин за несуществующие преступления, по каким-то диким обвинениям, но поскольку это никак не касалось меня, я мог только сокрушаться их несчастной судьбой и дикой глупостью тех, кто судил их. И вот теперь оказывается, касалось!

– Конечно, а ты как думал? Ты будешь с девками по полдня и полночи пропадать, а я ничего не стану делать в отместку? – Вералга сверкнула холодными тёмно-серыми глазами, она всегда была удивительно холодна, даже, когда, кажется, ярилась, но искры Ярила не было в ней. – До Аяи твоей мне невозможно было добраться, не то и она бы порадова-

ла мой нос ароматом своей жареной плоти... Но, к счастью, столько лет прошло, ты давно позабыл ту лживую дрянь.

Но не слова об Аяе тронули меня, ясно, что ей Вералга не угроза, что бы ни говорила, но слова о других женщинах, к которым я не имел никакого отношения, даже не видел их никогда, не на шутку ошеломили меня.

– погоди, Вералга, ты хочешь сказать, что в тех городах, где приходилось нам жить, «ведьм» из-за меня казнили? – ещё надеюсь, что она скажет: «Нет, конечно! При чём здесь мы с тобой?!».

Но напрасно я надеялся...

– Ну... не всех, конечно, они вон, словно колбасы из них после делают, таскают и таскают на костры свои... – хмыкнула Вералга и только потом ответила на мой вопрос. – погоди-ка, ты сейчас делаешь вид, что не догадывался прежде, что все твои потаскухи оказываются на костре? – прищурилась Вералга.

– Какие мои потаскухи, что ты несёшь?!

– Ой, не надо изображать невинность агнца!

Я смотрел на неё, и вдруг подумал, насколько глубока бездна Тьмы в душе этой женщины... Я жил рядом и не замечал, сколько преступлений она натворила за эти сотни лет. И вот она, моя спутница, моя жена столько лет, уже сотен лет

– послушай, Вералга, я не изменил тебе ни разу.

– Ложь! – вскричала она.

– Замолчи! – прорычал я, почти бесшумно, чувствуя, что

слепну от ненависти. И ненавижу не только её, но и себя.

Я подошёл ближе, почти вплотную и сказал ей в лицо:

– Каков бы я ни был, как бы ты не ненавидела меня, но убивать людей...

Горячая волна захлестнула меня, я вынужден был перевести дыхание, чтобы не убить ее немедленно, и договорить:

– Если ты... ещё сделаешь ещё что-нибудь подобное, я убью тебя, клянусь.

Вералга отшатнулась, блея. Видимо, в моём лице было столько решимости, что она поверила сразу. Поэтому, почти прижимаясь спиной к стене, она скользнула к двери.

– Убьёшь... За моё убийство тебя покарают предвечные!

– Когда узнают, за что я расправился с тобой, уверен, решат, что я сам стал орудием справедливого возмездия, – так же едва слышно, проговорил я. – И бойся, чтобы я не рассказал им, что ты творила, иначе, как бы они сами не казнили тебя.

Вералга оказалась у двери.

– Ты... ты... подлый ты изменщик! – заплакала она, и убежала.

А в дверь вошла наша семнадцатилетняя дочь, которую месяц назад мы сосватали сыну здешнего епископа. Расширенными от ужаса и отвращения глазами она смотрела на меня.

– Батюшка, ты... прелюбодей?! – проговорила она.

– Нет, дочь моя, никогда им не был, – честно ответил я

и отвернулся, потому что она была слишком похожа на Вералгу, и в этот момент это было особенно неприятно.

Я ответил честно, но моя дочь мне не поверила, как не верила и жена, и через три недели постриглась в монахини, отказавшись от замужества.

С этого дня моя решимость отомстить Вералге уже не столько за себя, сколько за тех, кого она обрекла на страшную смерть, стала нерушимой и острой как клинок, но клинок этот я носил, так тщательно и глубоко пряча, что научило меня притворству лучше, чем любого лицемера. И до чего велик был соблазн позвать Сатану себе в помощники немедленно, что я скрежетал зубами, заставляя себя не думать о том.

Мы попробовали жить в Америке, но протестанты, населившие её, были куда более подвержены мракобесию, чем католики, а к индейцам ныне было не примкнуть, не доколумбовы времена, когда Мировазор явился к ним Богом и пребывал там столетиями, благоденствуя. То же было ныне и в Африке, где белый человек мог быть или захватчиком и хозяином, или жертвой, но уже не был Богом. Так что снова оставалась Европа, в России после 18 века куда выгоднее и проще стало прожить, если ты немец или какой-нибудь голландец, и вот я, природный русский, притворялся то немцем, то голландцем, то шведом, чтобы в университете мне было проще подвигать свои идеи. Профессору Вернеру все давалось быстрее и проще, чем профессору Василию Ниткову.

Я не занимался одной научной дисциплиной, нет, идея, владевшая мной, была соединением многих наук и для достижения моей цели, я занимался параллельно геологией, то ботаникой, то физикой, то инженерией и математикой, химией, и снова биологией... Но впереди было ещё много работы и анализа знаний.

Моей целью было свержение Сатаны, вот к ней я и шёл тайно, не вызывая Его подозрений...

Мы же здесь, на Байкале, жили и верно, одной семьёй. Мирovasор продолжал жить то на Руси, то в Европе, сохраняя свой выбранный некогда статус купца, со временем он стал выходить в первейшие богачи, что делало его слишком заметным, а потому он снова ушёл в тень, переезжал, то в Австралию, то в Америку, где ему оказалось лучше всего. Между прочим, Арит снова присоединилась к нему. Басыр устроила ей хороший урок, после которого финикийка, стала разумнее вести себя и ценить то, что имела. Басыр сделала вот что: она выдала её замуж за очень богатого и старого махараджу, который придерживался самых древних обычаев, по которым жена должна была взойти на костёр вместе с мужем. И после довольно скорой смерти того махараджи, заставила Арит несколько суток дожидаться этих самых похорон, а значит и сожжения, в бессильных слезах и отчаянии. В конце концов, за час до рассвета, Басыр предстала перед нею со словами:

– Арит, как твои дела?

Та бросилась к её ногам, но Басыр воспарила к потолку, не позволяя коснуться себя.

– Вижу, на слёзы ушло несколько лишних фунтов с твоего тела, – кивнула Басыр. – Ничего, то на пользу, жир горит споро, искрит. А твой, поди, еще и чадит, воняет...

– Спаси меня! спаси, великая и могущественная чародейка! – без голоса и уже без лица, заплывшего от слёз, возопила Арит. – Спаси! Я буду вечной твоей рабыней!

– Не надо мне рабов, – бесстрастно взирая на неё, продолжила Басыр.

– Не оставляй здесь! Умоляю, это так страшно...

Тогда Басыр затянула молчание, не глядя на новоявленную вдову Арит, стала, не спеша, прохаживаться по её покоям, то выглядывая в окно, за которым благоухал богатый сад махараджи, где журчали фонтаны и ручьи, прогуливались диковинные белые павы, и перекликались птицы. Наконец, подала голос.

– Запомни этот страх, Арит.

И подошла к Арит, продолжая:

– Навсегда запомни, слышишь! Крепко, чтобы вошёл в тебя, в самые глубины твоего сердца и души, – Басыр склонилась к ней, так что косы сползли с плеч вперёд, отчего Арит показалось, что это змеи и если она ослушается могущественной Басыр, они немедля набросятся на неё.

Басыр всмотрелась в краснолицую и красноволосую Арит.

И проговорила так, что голос её и впрямь проник в самую глубину существа Арит.

– Ежли ты снова егда-либо возьмёшь в свою пустоватую голову хоть одну злобную мысль, я сама сожгу тебя. Поняла?

– Да! Да! – заикала Арит, поспешно кивая.

– Так помни!

Словом, Басыр вытащила её, и вернула в свои чертоги, где сама благоденствовала с Агори, построившим уже несколько великолепнейших городов здесь. Арит сделалась молчаливой и кроткой. И застав её такой через несколько десятков лет, Мирвасор спросил у Басыр, может ли он пригласить Арит с собой. На что она ответила, конечно, благосклонно. Так что Мир снова не был одинок.

Мы же оставались на Байкале, как и Басыр, нашедшая себе идеальную страну, не искали более для себя лучших мест. Только перебрались постепенно выше в горы, и через несколько сотен лет у нас тут, в скалах, подальше от людей, для которых мы снова стали легендами и героями сказов и сказок, было наше тайное поселение. Дома здесь мы выстроили уже своими силами, без помощи людей, Агори очень помог, да он, можно сказать сам тут всё и возвёл в своё удовольствие, не принуждаемый скрывать Силу, с которой легко двигал, откалывал, разглаживал громадные осколки гор, и устанавливал их на заранее задуманные места. Я же управлялся с брёвнами, при помощи Эрика.

Чертежи Агори сделал и показал нам, Ая помогала ему,

со своим умением рисовать представила нам готовую картину будущего города, потому что чертежи Агори понять способны были не все. С нею он обсуждал каждый дом, направление и высоту, она придумала в своей голове, каким должен быть наш тутошний «город предвечных», так и назвала его, и место сама нашла высоко в скалах, и за лесами, чтобы мы все легко могли сюда попадать разными тайными путями, а люди не могли бы найти. Для этого пришлось убрать часть деревьев, Агори разровнял площадку, мы с Эриком поставили защиту, подобную тем, что некогда окружала наши с ним дома здесь, чтобы никто из людей не мог не только зайти на нашу землю, но даже издали увидеть, потому что люди становились вездесущи, всюду лезли со своими исследованиями и изысканиями, что я вполне уважаю, но в сиюминутности своей спешили давать объяснение тому, в чём ничего не понимали, и часто это уводило их в тупики науки, где они поколение за поколением теряли время, тыкаясь в темноте своего невежества.

Но хуже было иное, когда достигнув неких открытий, они применяли их во вред себе, так губили многие и многие сотни и тысячи людей всё новым оружием, одержимые идеей власти как ничем иным. Будто дети в шалостях. Это было предметом бесконечных наших разговоров на протяжении всех этих сотен лет, и в нашем байкальском кругу и особенно, когда являлся кто-то из тех, кто свободно перемещался по миру в любую его точку, и приносил нам новости.

Басыр благосклонно отнеслась к желанию Агори построить для предвечных небольшой уединённый оазис, для каждого дом по его вкусу, и для неё здесь был дом, то есть для них с Агори, они и гостили тут у нас поначалу, а после переехали, когда в любимой ими Индии им тоже не осталось места, как не оставалось его теперь Богам нигде в мире.

А город наш стал со временем даже прекраснее, чем в первые годы, мы не переставали благоустраивать его, вымостили дорожки, построили лестницы, а наверху скал были площадки для самолётов, которыми теперь никого было не удивить, люди создали свои, поднимаемые в воздух силой мощных двигателей, идея которых когда-то зародилась в моей голове, но так и не была доведена до конца. Пожалуй, единственное, чего я так и не доделал, потому что тогда Аяя оставила меня, и я больше не смог заставить себя вернуться к идее, которая выросла при ней и всем напоминала о худшем дне моей жизни.

Когда здесь у нас впервые побывал Мировасор, он лишь усмехнулся, оглядев тут все, и сказал, что нечто подобное Агори выстроил некогда в Америке, которую так не звали в те их времена, потому что никто туда ещё не плавал, а мы меж собой называли «заокеанский континент».

– Но пирамид у вас, понятно, нет. И ваш поменьше, конечно... и, пожалуй, красивее... Там с нами жили наши слуги, жрецы, а вы тут только сами. Хорошо... Позвольте бывать у вас? – с улыбкой спросил он.

– Милости просим! – сказала Рыба всегда добродушная и хлебосольная.

– А ты что скажешь, Аяя? Я теперь с Арит...

– Разве Арит мне враг? И ты мне как брат, и Арит как сестра. Только рада, когда нас навещают наши собратья. Хотелось бы вовсе в одном городе каком жить...

– Может когда и настанет такое время.

– Снова будет несвобода там, – сказал я, подразумевая, что меня, и Аяю, летунов, любой город загоняет в клетки. – Так вы здесь дом поставьте, как Басыр и Агори, тоже сначала только наездами бывали, а теперь всегда у нас. И Эрик без людей жить не может, уходит, а лет через десять, а то через тридцать возвращается.

Так они и сделали, потому что и впрямь век от века мир становился всё меньше. Перебираясь сюда, Мирवासор спросил:

– А с неба-то не углядят нас людишки?

– Не углядят, Ар здесь для них пустое ущелье создал, – сказал Эрик. – А ежели приходят всё же, то лишь плутают и уходят, подгоняемые воем волков.

– Боюсь, скоро и волков не останется и своими приборами они нас и тут найдут.

– Не найдут, – уверенно сказал я. – У нашей Силы электромагнитная природа, наши волны, волны той защиты, что установлена нами, действует не только на людей, но и на приборы, люди видят то, что мы им показываем, а приборы

просто отключаются, перегруженные помехами и всплесками энергии. Так что не беспокойся, это надёжное укрытие, настоящее убежище.

– Ну да... пока они не придумают ещё какую-нибудь гадость, чтобы выслеживать друг друга, и случайно увидят нас.

– Пусть увидят! – захохотал Эрик. – То-то их смешным теориям придётся обвалиться тогда!

– И всех этих умствующих и таких уверенных учёных за собой увлечь! Они ведь даже того, что видят, оценить не могут, если не могут объяснить, просто отворачиваются.

– Люди не должны так делать, так делают тупые животные! – горячо воскликнула Аяя. – Человек изумительное создание, он должен интересоваться, изучать, исследовать то, чего не понимает, а не делать вид, что этого не существует! Размышлять, а не отворачиваться.

– Ну, не горячись, не отворачиваются они, изучают, вона, в космос полетели уже, – усмехнулся Эрик. – Мы с вами и то не сподобились на такое.

– И людей газами травить и жечь в печах тоже придумали... не отнять, – выдохнула Аяя. – А что до животных... Скоро их на земле вовсе не будет, даже океаны умудрились завалить своей грязью. То, что они живут так коротко, не учит их беречь планету, им кажется, что если хватит на их век и на их детей, то, что будет после, пусть внуки придумают, а самим плевать...

Мировасор долго глядел на неё, словно размышляя, гово-

рить или нет. А после сказал:

– Вы знаете, что в мире началась эпидемия, что косит людей почище чумы когда-то, – сказал он так, словно готовился продолжить и эти слова были лишь предисловием.

Эрик отмахнулся:

– Ерунда, в первый раз, что ли? Были и чума и сифилис, оспа, холера, какая только гадость не шастала с косой по миру все время... туберкулёз в девятнадцатом веке, потом СПИД объявили чумой 20-го века, ничего, кое-как справились, потом с вирусами весь 21-й век боролись, и теперь победят, люди живучи, вроде тараканов.

Мировасор взглянул на него, и не стал говорить того, что намеревался, мне стало любопытно, почему, потому что Мировасор вообще словоохотлив и никакой тревоги сроду не испытывал. А сейчас в его глазах мелькнуло именно это – тревога, почему же он не высказал её вслух? Вместо этого он спросил:

– Что от Вералги слышно?

Страннее вопроса не придумать, будто были какие-то тайны, мы все всё знали друг о друге уже две тысячи лет, как завели эти облёты по три раза в год, так ничто, кажется, не могло уйти от внимания. Но оказалось, могло. Мы все полагали, что Ван и Вералга живут как супруги уже много веков, что поначалу показалось странным, но после все привыкли, и никто уже и не вспоминал, что некогда Ван был мужем Аяи. О том, что её мужем был Эрик мы и то помнили креп-

че, потому что Эр всё время напоминал об этом, будто рассчитывая на восстановление в правах.

Но спустя совсем короткое время выяснилось, что всё было и так, и не так. Да, Ван и Вералга продолжали жить вместе, во всех местах изображая мужа и жену. Но вовсе не Вералга, как все полагали, была в их паре главной, каким-то образом Вералга удерживала Вана рядом с собой, но она давно уже была при нём, а не он при ней, как некогда Викал. Он решал, куда они поедут, где и как будут жить и чем заниматься. Собственно, Вералга в основном была домохозяйкой, из упрямства не желая приспособливаться к современному миру и овладевать какой-либо профессией, высокомерно заявляя:

– Людишки посходили с ума, что твориться? Всегда, тысячи и тысячи лет женщины были дома, а не терлись целыми днями по городам, зарабатывая деньги. Потому и разврат расцвёл как никогда прежде, теперь и проститутки никому не нужны, обычные женщины хуже прежних проституток, стыда давно нет, творят, что хотят! Это раньше мужчине надо было или жениться или платить, а теперь, от женщин нет отбоя, выбирай любую, когда угодно и на сколько угодно. Да что выбирай, они сами и выбирают. Хочешь на ночь, а хочешь, на всю жизнь!

Эрик, недавно вернувшийся сюда на Байкал из своего очередного похода к людям, продлившийся на этот раз вовсе года три или четыре, поддержал её:

– Ты права, Вералга, мне тоже не нравится... Раньше я устраивал себе дом и жизнь на целых двадцать, а то и тридцать лет, купаясь в счастье и благоденствии, а теперь что? Недовольство и претензии всякий день, не женщины, а пилы стали. Причём пилы ржавые и тупые. И пьют ещё наравне, а кто и поболее мужчин способен. Сквернословят, перебивают, хохочут, как портовые девки... Красоты прежней и то редко сыщешь, толстые, али жилистые, как парни... Прямо заговор против мужчин.

– Вот-вот! – обрадовалась Вералга. – Белые вовсе выродятся вскоре, мужчин холостит эта женская разнузданность.

– Гнёзд вить вовсе не умеют больше... – «подпел» Эрик.

– А ты не думал, Эр, что те, кто способен те самые гнёзда вить, просто не хотят их вить с тобой? – вдруг сказала Аяя, обычно не только молчавшая, когда прилетала Вералга, и даже вовсе не выходившая к ней, но сей день, она случайно зашла сюда, в дом к Рыбе, именно, когда здесь была Вералга: Рыба зазвала Вералгу на левашу да ладки, что только-только напекла. Уйти было невежливо, оттого Аяя и осталась с нами всеми.

Эрик вспыхнул и вытянулся, метнув взгляд на Аяю:

– Это ты себя имеешь в виду? – спросил он, и было не понять сразу, он взволнован или рассержен.

Аяя побледнела немного, но не ответила на его взгляд, поднялась.

– Нет, Эр, я как раз из тех, кто никаких гнёзд вить не спо-

собен, – сказала она. И не глядя ни на кого, вышла из-за стола, направившись к выходу. – Благодарствуй, Рыба, или как теперь принято говорить: благодарю... Пора и честь знать. Будь здорова, Вералга!

Мы посмотрели ей вслед все, и каждому хотелось сказать своё, я это чувствовал, воздух сгустился, как густел всегда, когда она была рядом. Я сказал бы, что гнезда лучше, чем она, вообще никто свить не способен, и я это знаю как никто, и другие тоже знают, потому что красивее и уютнее её дома нет во всем нашем городе предвечных, да и во всем мире. И сам город как е гнездо, он его задумала, и Агори построил. Но я знал, что она говорит о другом, и по сию пору не простила себе ни потерянного сына, ни отвергнутого Вана, который по её странному убеждению у Вералги был в плену. В последнем мы давно не пытались переубедить её. Пытались совсем иное делать, но Эрик мешал мне, а я ему. Но и Эриково отсутствие здесь в нашем городе ничем мне не помогало, потому что Дамэ при ней был неотступно, даже псы спят иногда, но чёрт, кажется, и не спал. Рыба добродушно посмеивалась надо мной:

– А ты не теряй надежды, Кассианыч, и инициативы. Я её, касатку нашу отлично изучила ещё в те, стародавние времена, когда мы два с половиной века под одним одеялом спать ложились. И вот, что я тебе скажу: как тебя никого она не любит.

– Так разлюбила, похоже.

Рыба, что полола огород в это время, когда я проходил мимо от дома Аяи, снова возвращаясь несолоно хлебавши. Рыба отбросила пук травы из рук.

– Ты чё ж городишь-от? Нешто можно разлюбить? Ты вот не разлюбил, а она, что же, хуже тебя человек? Вот все вы так-от... потому и живет одна, – поговорила она, отряхивая руки, в большущих холщовых печатках, всё же и её коснулась цивилизация, давно уже она и руки защищать стала от работы, которой не гнушалась, по-прежнему, и лицо под солнце бездумно не подставляла, и серые веснушки, что крупными некрасивыми пятнами некогда выступали каждый март, теперь покинули её, похоже, навсегда.

Рыба подошла ближе к плетню.

– Это век у нас бесконечен, вот што плохо, Арий Кассианыч, не замечает времени. Будь обычная баба, рази ж позволила бы себе столько времени казнитья да грехи замаливать, Бога просить не казнить за то, что Дьявола в гости пускала.

– Так Его давно не было... – бледнея, поговорил я.

Рыба посмотрела на меня, качнув головой с укоризной.

– Мущины... ежли ты чего не видишь, значит это, что его не существует?

– Хочешь сказать.... – у меня внутри похолодело.

– Ничего не хочу. Травы дёргать вот тоже не хочу, а надоть, и ты болтаешь, мешаешь мне работать.

– Хочешь, помогу? – воодушевлённо спросил я.

– Чиво? Полоть будешь? Ты?!

– А что ж? Я могу и очень ловко, – сказал я, перемахивая через плетень, мы их тут делали из привычки, потому что так всегда было в наших жизнях. Но замков, конечно, никаких, в дверях нашего города не было.

Я закатал рукава рубашки, что вышивала Ая, совсем как в давние времена, разница была лишь в том, что теперь она вышивала рубашки для всех, кто жил здесь. Но мне всё равно казалось, что мои самые красивые и рисунки самые замысловатые...

То, что Рыба сказала мне, в корне меняло дело. Получается, Ая отталкивает меня не потому, что я стал ей так противен и чувствую я всё правильно, не может сердце, настроенное на неё тыщи лет назад меня обманывать, оно едва не разорвалось, когда она была с Ваном в Москве, это да, тогда она любила его и, может быть, совсем не любила меня, и мне хотелось её возненавидеть, и я, может быть, и смог бы, если бы они с Ваном так и жили бы вместе счастливыми родителями чудесного ребёнка, которого я не смог ей дать, хуже, я отнял... Но всё так быстро разрушилось, всё то её счастье, и так страшно окончилось, что ревность уступила надежде, которая сей день, когда мы с Рыбой дергали траву с её грядок, кормивших всех нас тут, потому что за каждой морковиной в города да веси не налетаешься, вот теперь, даже не применяя Силы, чтобы эту самую траву из земли рвать, я испытывал такую радость, что мне казалось, я не один огород,

а сто могу прополоть.

– Ты чего, Арий, чего так взыгрался-то? Сил, я смотрю, девать некуда, так, што ли? Пошли тогда ещё картошку оучим...

Рыба долго приглядывалась ко мне в этот день, думая о чём-то и только к вечеру, когда мы, разминая занывшие поясницы, сели на завалинку к её дому, спросила:

– Ты... Кассианыч... неотлучно же здесь с нами уже столь веков... С женщинами, что же, и не знаеся...

Она вглядывалась в меня, словно хотела без слов понять, потому что я, конечно, не стал отвечать. Слишком хорошо ты хочешь думать обо мне, Рыба, если полагаешь, что я блюду целибат столько времени. Мог бы, я бы, конечно, не стал делать того, что, увы, приходилось: как встарь летал я в города и веси, благо их на Байкале ныне столько, что хоть ежедневно так развлекайся, всех женщин не облетишь, и прежним манером, прикидываясь чуждыми личинами, сходился с женщинами на час-другой... Стали ли теперь женщины доступнее, я не мог сказать, соблазнением я не занимался. А то, что делал, было чуть лучше рукоблудия. Или чуть хуже... Так что нечего мне было ответить Рыбе.

– Знаешь что, Арий, думается мне, что энто... вредно так-от.

– Что ж вредно? Тебе не вредно, поди, – я запрокинул голову, прильнув губами к кувшину с водой. Но вода нагрелась на жарком летнем солнце и стала невкусной, потому я боль-

ше пролил себе на грудь и на лицо.

– Што сравниваешь? Я женщина, нам нет никакого вреда, а вам, мужинскому полу... нет-нет, вредно... Так и умом тронуться можно: на красоту глядеть и не трогати. Брат твой правильно монахом не сидит, мотається куды надо.

– Ты скажи мне лучше, Рыба, двадцать второй век на носу, а мы всё кверху задом грядки подем. Ты почему робота не пускаешь на огород?

Она лишь отмахнулась:

– Да выбросила я его, не ндравится мне энто... скоро вместо людей эти пластиковые творения и детей рожать станут. Причём таких, пластиковых. На что им человеки? Вот тут всем конец и придёт, скорее, чем от ваших вирусов новых.

– Как знать, – вздохнул я. – Может быть, ты права... а может, и нет.

– Права, чего там. А ты, Кассианыч, давай-ка, форсируй крепость, не то засохнешь на корню, даром што тыщелетний... Аяе я тоже парочку ласковых слов скажу от себя, зашделась она в сестрах ваших, не годиться эдак... И тебя терзать не след, хватит ужо, взялась дурить, понимаешь ли...

Она бормотала ещё что-то. Потом предложила баню истопить.

– Да это мы с тобой до ночи будем тут... вон уж закат... – усмехнулся я. – Ты ж электроникой не пользуешься.

– Сказанул тоже мне, электронная парилка, ты што? Всё равно, што твой робот на грядке. Нет, лучше нормальной мо-

ей баньки дубовой, да с дубовым веничком ничего быть не может, ни сауны ваши, ни прочие суррогаты. Истопить-то недолго.

– Лучше вместе айда к Агори напросимся, у них баня всегда стоит, любят они это дело.

– Досужие развратники, – сплюнула Рыба. – Басурманы ж оба, откуда им понимать на што баня, они думают, что как у римлян, для разврата...

А я захохотал, потому что это именно так и было, Агори было скучно, он всё время уговаривал Басыр отправиться куда-нибудь к людям, построить какой-нибудь новый город.

– Ты забыл, что было в последний раз? Едва не засудили тебя.

– Они строить не умеют, думают, все такие, – грустно отмахивался Агори. – Мои строения, те ещё, что за тыщи лет до их новой эры я возводил, по сию пору стоят незыблемо, а их рушатся уже через пару десятков лет, тем паче через сто. Все небоскрёбы пришлось им перестраивать, сносить, не рассчитаны их конструкции на вечность.

– Они минутой живут, в будущее не глядят, на что им вечность!..

Глава 5. Восемьсот лет

В этот раз я вернулся после своих бесплодных попыток, где-нибудь в прекрасном уголке мира прожить пару десятков счастливых лет с женой и детьми, которых она нарожала бы мне, богатому и доброму мужу, с полным пониманием того, что в теперешнем мире мне нет места вовсе. Вот, кажется, мир стал свободным и слепым, можно быть каким угодно и жить где угодно, если у тебя достаточно средств, ты абсолютно свободен, но на деле это призрачная свобода, настоящая иллюзия, вроде гипноза. В прежние времена свобода была полной, как полёт, теперь подобна той самой их виртуальной реальности...

Никакая деятельность в этом мире мне была недоступна. Не только мне, но и Арику, к примеру, или Агори. Для всего нужна была аккредитация или лицензия. Только торговцу, как Мировасор всё было по-прежнему доступно. Он умело сводил нужные знакомства и подкупал сильных мира, чтобы получать выгодные контакты и пути сбыта. Всё это нравилось ему даже больше, чем прежнее пребывание Богом. Он наслаждался и только веселел год от года. Но и ему становилось теперь непросто, всё и все в мире были под присмотром, невозможно было затеряться, твоё лицо становилось достоянием, поэтому он научился действовать через подставных, оставаясь в тени. Но и оставаться в тени тоже было непросто,

потому что почти не было тени...

Арик своими научными изысканиями и опытами принуждён был заниматься теперь, не отлучаясь с Байкала, но благодаря сети Интернета, что без помех покрыла всю планету в последние пятьдесят лет, когда не нужно стало подключение, оно было доступно в любой точке мира, с тех пор как для этого задействовали не только наземные вышки, как в самом начале, но и специально выведенные на орбиту спутники. Так что теперь вся научная литература, видео, были ему доступны, он зарегистрировался на своих научных платформах ещё в начале века, так что только время от времени менял пароли и ники. Агори был его ближайшим соратником, как и Аяя, увы, он мог увлечь её, всегда бывшую равнодушной ко всем этим загадкам мироздания, это меня загадки не интересовали, а мой бат и она всегда стремились их разгадать. Наверное, потому Дьявол никогда не охотился за мной, как за ними, древо познания, для них по-прежнему оставалось главным соблазном со всеми своими волшебными плодами. Я был куда более божьим человеком в этом смысле и не лез познавать мир, я лишь хотел им наслаждаться, как данностью.

Работать лекарем как прежде я давно не мог, потому что то, как я подходил к делу, теперь было неприемлемо людьми, им не нужны были чудеса, им нужно было чёткое исполнение предписаний и инструкций, потому что любое отступление от них грозило судом и лишением права на профессию, или,

как у них называлось, лицензии. Так что, таким как я, зарабатывать на спасении и исцелении страждущих было ныне невозможно. А становиться окончательным холуём и подчиняться каким-то странным правилам, которым я и раньше никогда не подчинялся, потому что даже не знал их, не учил ни анатомии, ни химии, чтобы знать, как действуют лекарства. Мне это было не нужно, чтобы увидеть, как разорвалось сердце, у человека в груди или омертвел мозг, или выросла злая опухоль, или плод погиб в утробе у женщины, я видел это без этих знаний, если хотел... А потому я давно и не пытался никого лечить или спасать, никто не просил Сингайла Льда об этом уже многие сотни лет, даже имя это давно затерялось в веках. Я же попросту поместил золото в несколько банков, часть истратил на приобретение ценных бумаг, которыми спекулировали на биржах и таким манером прибавлял наш очень крупный общий капитал предвечных, которым позволено было пользоваться всем нам. Так что я стал ныне финансистом, почти гением в этом деле, потому что, просчитывая наперёд, рисковал с заранее известным результатом и никогда не складывал яйца в одну корзину.

Так что жених я был очень привлекательный, как всегда. Но женщин по мне, похоже, уже не существовало, или в той среде, где я пытался такую найти, они вывелись. Вести дом, рожать и воспитывать детей, даже для такого завидного во всех отношениях мужа, никому не хотелось. Всё это теперь для богатых женщин делали роботы, и суррогаты, а са-

ми они, в желании вечно сохранять красоту и юность, были одержимы только этим.

Или же другая крайность – почти полное перевоплощение в мужчину, дело, или как теперь называлось, бизнес, и ты ей будешь товарищем по зарабатыванию денег, тоже, конечно, вариант, как говорится, Арий притягивает Аяю к себе всю жизнь, разделяя её устремления. Но мне этого вовсе не было нужно, вот с Аяей я бы занялся одним делом, если бы ей этого захотелось, а прочие не привлекали меня в таком смысле. Обыкновенной женщины за несколько лет я так и не встретил, утомился поисками и разочарованиями, сдал несколько порций в банки спермы, надеясь, что хотя бы так где-то родятся мои дети, и вернулся на Байкал в наш чудесный город предвечных. Наш новый Байкал. Там были близкие мне люди, мой брат. Там была Аяя...

Аяя... после того, как мы тут все стали жить вместе, и дня не было, чтобы я не пытался проникнуть к ней, потому что я убеждён, что если бы она выслушала меня, если бы позволила приблизиться к себе, она поняла бы, что для неё нет ничего лучше, чем вспомнить, что я всё же её муж. Пусть даже это было признано расторгнутым. Я так не считал. Но, мало того, что Ар неотступно был рядом и мешал мне, постоянно словно читал все мои мысли и не давал приблизиться к Аяе, так ещё и Дамэ как настоящий верный пёс отгонял нас обоих от неё.

Потому, вернувшись ныне, из мира, где и правда разво-

рачивалась какая-то нехорошая эпидемия, от которой всем предвечным лучше было бы укрыться в нашем городе и переждать, как некогда пережидали чуму, потому что мне пришлось окольными путями добираться сюда, избегая больших городов, где теперь стало опасно. И настоящего карантина людишки ввести не могли себе позволить, мир стал так мал, все зависело от всех, перекрой границы и погибнешь без продовольствия, топлива, и прочих благ, что не производились теперь всюду, как когда-то, когда мир был примитивнее.

Но даже эта неприятная зараза не так испугала меня. Куда больше мне не нравилось засилье роботов, их теперь столько, что я, пребывая во всех этих городах, чувствовал себя плену, не сомневаюсь, что за мной постоянно следили, всё просчитывали, прослушивали, взвешивали и оценивали даже в сортирах, не говоря об улицах, магазинах или транспорте. Я начинал чувствовать себя параноиком из-за этого, потому что привык быть свободным от оков и глаз. Людям, как мне кажется, следовало бы отключить девяносто пять из ста устройств, что якобы обслуживают их, и подумать, как обходиться снова без всех этих мойщиков, полицейских, нянь, парикмахеров, водителей, даже хирургов. До хорошего это не доведёт. Сейчас машины в рабстве, как мы считаем, но они уже умнее большинства людей, так что время их главенства уже наступило, только люди этого не заметили, как никогда не замечали разложения и распада вокруг себя и осо-

бенно внутри, пока всё это не рушилось им на головы. Как упала вавилонская башня когда-то, как рухнул Рим... Когда-то Марей-царевич выгнал из авгалльского дворца лишнюю челядь, теперешние даже не людьми окружили себя... И ведь не боятся. Мне вот было не по себе. Именно об этом я и рассказал Аяе, когда пробрался-таки к ней.

А чтобы пробраться мне пришлось пойти на хитрость, почти на преступление: я тайком подсыпал Дамэ в кофе снотворное, которое я с этой целью и купил в одном из городов. И почему мне не пришло в голову сделать это раньше?

Я только думал, подействует ли на Дамэ то количество, что я подмешал ему? Не боясь переборщить, я всыпал в чашку Дамэ три таблетки, которые предварительно растолок в порошок. Он доверчиво пригласил меня на веранду, увидев у калитки.

– Эрбин?! Ты... вернулся? Вот это да, так поздно...

– Да теперь добраться оказалось непросто... А все спят, похоже, – улыбнулся я. – У меня в доме шаром покати, чистота и пустота, ни крошки еды. А я голодный...

– Ты же с дороги. Заходи! Найду, чем угостить тебя, – улыбнулся Дамэ.

– Да не стоит... ночь, куда наедаться... Но... я чувствую, кофе у тебя пахнет, вот кофе угостишь – будет отлично.

Дамэ радостно кивнул, одному, должно быть, скучно, да и новости хотелось ему услышать из первых уст, а не из интернета.

И мы с ним пили кофе с булочками, которые для всех пекла Рыба, а Дамэ разносил по домам рано на рассвете. Действия средства не пришлось ждать очень долго, Дамэ допил кофе, слушая мои рассказы о том, как неладно теперь в мире, как долго мне пришлось ехать из Европы сюда, не через Москву, и даже не через Улан-Удэ, но через Дели и Ташкент.

– Задерживают рейсы, даже отменяют, в полёте заболевают пассажиры и все оказываются в карантине... словом, Миравасор был прав, как это ни странно, рассказывая нам о своих опасениях... я-то думал, он...

Я заметил, что у Дамэ смежились веки, и он вот-вот упадёт с кресла, а потому я поднялся со своего места и выправил его, постаравшись пристроить плечи и голову так, чтобы он спокойно спал до утра...

Сам же я, стараясь не шуметь и не беспокоить двух приبلудных полудиких псов, которые, скорее всего, были обыкновенными волками, что несколько лет жили у Аяи на дворе, с ними она общалась без слов и они слушались её и были ей друзьями, почти такими же как Дамэ, что участвовал даже во всех научных изысканиях, экспериментах и опытах, только чтобы не оставлять её наедине с Ариком. Но псы не знали, что я лазутчик, потому что дурного у меня в мыслях не было, я не намеривался обидеть Аяю, их Селенгу-царицу.

Никакой скотины Аяя ныне не держала, всем крестьянским хозяйством в нашей общине заведовала Рыба, все участвовали в работах, разнообразные машины использова-

ли мы все, как и электричество, конечно, но против роботов выступили опять же все с редким единодушием, поэтому их у нас не было, единственного, что подарил Рыбе Мирвасор для работ в огороде и в саду, Рыба не терпела и мне кажется, не включала, что теперь выглядело более чем разумно.

Казначеем, по-прежнему, был Викола, как и смотрителем и собирателем библиотеки, в том числе и электронной днесь. Именно к его дому прилегала пристройка, что была больше этого самого дома в несколько раз, где были их научные лаборатории и стояли самые мощные наши компьютеры, с огромной памятью и возможностями. И здесь же было громадное помещение с книгами, напоминающее мне то, что некогда было в Авгалльском дворце. Только теперь Викола поддерживал здесь идеальную температуру и влажность круглый год с помощью сложной системы, чтобы книги не портились.

С помощью самого Викола можно было с лёгкостью отыскать любую информацию, он был поисковиком не хуже Google или Яндексa, иногда он вместе с Арием, Агори и Аяей тоже участвовал в научных опытах и изысканиях, и диспутах, что они затевали постоянно, считая, видимо, что в спорах рождается истина. Информацию отыскивал именно он, ему это нравилось и получалось быстрее, чем у всех прочих. Викола же следил за новостями, сообщая нам. Впрочем, за новостями следить мог каждый, но мы, предвечные, всегда были над миром, и новости этого самого мира тоже пред-

ставлялись нам мелкой сиюминутной суетой. Поэтому Вико-лу и было поручено постоянно отслеживать серьёзные события, способные повлиять и на нас.

Басыр развлекала себя тем, что отправлялась поработать медичкой, вроде фельдшера в сёла, или воспитательницей в детские сады. Ей очень нравилось это – возиться с детьми, осознавая своё могущество, она становилась доброй и милой, рассказывала им сказки, которых знала тысячи, бывала строга, но чаще ласкова и неизменно справедлива. И жалела только о том, что её воспитанники так быстро вырастают и уходят. Чтобы не примелькаться она «переезжала» из села в село, из городка городок. Хотя на деле не жила нигде там, занимала где-нибудь комнату для вида, а сама, приходя «домой», перемещалась к нам, точнее к своему дорогому Агори, удивительно как они счастливо нашли друг друга. С тех пор как они стали жить здесь с нами, Басыр больше не рожала детей, ведь все наши дети были обычные люди, и как прикажете их растить в тайном месте? Теперь были не прежние времена, в Богов никто не верил, Сингайл и Галалий больше не были завидными отцами, теперь пришлось бы ребёнка уже младенцем увезти к людям... Но не похоже, что Басыр и Агори страдали из-за этого, у них было человек тридцать общих детей, а может и полсотни, рождённых ещё в Индии. И, думается, пожелай Басыр родить ещё, они просто переехали бы на время к людям. Но этого теперь никто из нас не хотел, никого, кто жил теперь в нашем городе, не тянуло

к людям, даже меня, можно сказать, я еле ноги унёс из их «чудесного» мира.

И в эти минуты, проходя по светлым и просторным комнатам Аяинога дома, я думал, что, вероятно, не пройдёт и нескольких недель, и Мировасор с Арит, и Вералга с Ваном явятся сюда, спасаясь от эпидемии.

Дамэ сказал, что Аяя уже легла, что было неудивительно, был уже очень поздний час, в нашем городе здесь, думается, все уже спали. Кроме меня...

В этих внутренних комнатах горел свет, небольшие настольные лампы, ночники и бра, не было ни одного тёмного уголка. Странно, она говорила, что в полной темноте видит намного лучше, почему теперь не гасит свет на ночь во всём доме? Я до сих пор не бывал в этих внутренних помещениях, хотя, полагаю, никто здесь не был, кроме, быть может, Рыбы и Дамэ, да угрюмого мордастого лесного кота, что, как и волки, был Аяиным другом. Он и встретил меня, когда я подошёл к лестнице на второй этаж, оглядел со свойственным всем кошкам высокомерием и даже не сдвинулся, когда я прошёл рядом, вот уж кому царственности не занимать, мне пришлось обойти его, а он только повернул одно ухо, увенчанное кисточкой, что как локатор «проследило» меня, и только после этого выпрыгнул в окно, оправившись по своим ночным котовым делам. С тех пор как все мы стали жить на Байкале, к Аяе всё время прибивались какие-нибудь животные и жили рядом. Почему? Может быть, чтобы было ко-

го обнимать по ночам?..

Поднявшись на второй этаж, где, оказывается, располагалась её спальня, я вошёл, дверь была открыта, как и окна, в них влетал ночной ветерок, и шелест ветвей и листьев, песни ночных птиц, на столе горит лампа-ночник, вызолочивая побеленные стены, а дом у неё был деревянный, только на каменном фундаменте. Спальня просторная и кровать большая, застеленная бельём из белого вышитого батиста. И занавески на окнах из тонкого белого тюля, не сомневаюсь, что она повесила их для того, чтобы любоваться тем как играет ими ветер... А все окна были раскрыты, середина лета, и жарко, хотя здесь у нас высоко и кругом тень от деревьев, но прохлада, пахнувшая хвоей и водой всегда желанна летом. А ближе к постели пахло розовым шиповником, потому что на ней была она, Аяя, знакомый, будоражащий и такой близкий запах, словно запах собственной крови. Аяя...

Я разделся донага. Конечно, есть риск, что она пнёт меня под зад, или того проще – вышвырнет в окно, и полечу я голый через всё наше поселение, потешая полуночных петухов. Но я постараюсь сделать всё, чтобы... чтобы она не сделала этого...

– Аяя...

Она спала, тихо и ровно дыша, немного разметавшись, на боку, и ножки с маленькими нежными пальчиками были видны из-под покрывала. Вот к ним я и прижался губами, чувствуя, как дрожь возбуждения от этого прикоснове-

ния к ней, побежала во мне от макушки до кончиков пальцев. Сколько прекраснейших и всегда любимых женщин было в моей жизни, но ни одна не вызвала во мне столько слепящего вожделения. Сдерживаться я больше не мог, быстро продвигаясь выше к её коленям, бёдрам, накрывая её собой всё больше. Она пробудилась, и хотела было помешать мне прижаться к вожделенному центру вселенной.

– И-и-и... Эрик... Эрик... ты... что?.. ты что?.. – выдохнула она спросонья, разворачиваясь ещё, что и было мне нужно.

И... не стала отталкивать меня.

Чудесные и не забытые, но так давно не испытываемые аромат и вкус её горячеющей кожи, и паче её приятие, и то, что она в первый же миг узнала меня, словно ждала, влили радостный жар в мою кровь. Всё загорелось внутри, запылал мой лоб, и её возглас утонул в моём поцелуе... Я всегда знал, Аяя, что ты меня любишь и хочешь... Яя...

...Забытое и такое огромное наслаждение, заставившее меня, кажется, даже закричать, но точно оглохнуть и ослепнуть, задохнуться, распускаясь горящим цветком и растаять водой, плескающейся вокруг его сильного тела. Эрик... как же так, откуда ты взялся, ещё вчера тебя не было в нашем городе, и как ты мог пройти мимо Дамэ? Как тебе удалось обмануть неподкупного Дамэ?..

– Я усypил твоего стража, – усмехнулся Эрик, обнимая меня и притягивая к своей широкой груди, поросшей мяг-

кой светлой шерстью. – А что прикажешь делать? На всей земле, где почти двадцать миллиардов человек и примерно половина – женщины, а я не могу найти тебе замены. Тыщи лет не могу... а последние восемьсот особенно.

Он тихо засмеялся, мягко прижимая меня к себе.

– Боялся, вышвырнешь меня.

– Не надо, Эрик... – выдохнула я и прежде чем успела сказать, что произошедшее не изменит нашей жизни, потому что не следует нам её менять, потому что мы и живём здесь так спокойно и мирно все эти восемьсот лет именно потому, что каждый живёт своей жизнью и не вплетает в неё меня. Только так и можно было мне жить, рядом, но, не приближаясь, не проникая в них. С самого начала так должно было... и теперь... почему теперь я обнимаю его, с радостью и наслаждением вдыхая аромат его кожи, его тепло, вместо того, чтобы быть твёрдой и холодной, как и была? Почему я позволяю ему ласкать себя снова, и от этого загораются светлым голубым светом его глаза, и улыбка не сходит с губ, и наслаждение в нём растёт... Этим я обещаю ему согласие? Это неправильно... нет-нет...

Но только к рассвету я заставила-таки Эрика уйти.

– Слушай, Эр... всё это, конечно, прекрасно и... спасибо тебе... за всё... и... особенно за любовь.

– Ты что... смеёшься сейчас? – он стал сразу серьёзным, и глаза медленно потемнели.

– Нет, Эр... послушай...

Я была смущена и растеряна теперь, потому что никак не готовилась к такому разговору, не ожидая, что вообще придётся говорить, что всё, что произошло этой ночью, может когда-то случиться, мне казалось в своём разочаровании и обиде на меня, Эрик давно уже не думает о том, чтобы быть со мной. Тем более только в последние десятилетия он заговорил о том, что ему не нравится в современном мире, и возвращался на Байкал быстро, а не как всегда прежде, прожив с очередной женой очередную жизнь. Поэтому я не ожидала и не предполагала, что мне надо будет найти слова, чтобы он понял и не держал на меня сердца... хотя как тут понять... Ничего он не поймёт. Не надо было позволять, теперь поздно.

– Мы не будем жить вместе, – сказала я, чтобы не говорить лишних слов.

Эрик, успевший надеть штаны и рубашку, сел на край постели, в изножии.

– Это из-за него? – глухо спросил он, не оборачиваясь, рубашка всё ещё была не застёгнута, белая, даже белоснежная рубашка, он был одним из немногих, кто всегда неизменно носил рубашки, предпочитая футболкам и майкам, но ему идёт всё, по сию пору не было человека, обладающего большей мужественной красотой, чем он.

«Из-за него», Эрик, ты хотя бы не начинай, Рыба мне все уши прожужжала Арием, будто я за сотни лет стала деревянной и не чувствую ничего. А она словно и не понимает, что

нельзя, нельзя ничего менять, нельзя нам выходить из сложившегося status quo, потому что вот он закачался, и Эрик тёмно-синими глазами, бледнея, смотрит на меня...

– Нет... Причём здесь он? – выдохнула я.

И тогда Эрик поднялся, усмехаясь, и стал неторопливо застёгивать рубашку, пуговица за пуговицей... Что-то было в этом странно знакомое, что-то словно из давних, едва ли не потусторонних воспоминаний, когда я видела, как эта же грудь и живот медленно скрывались под рубашкой... другая рубашка была тогда, богато вышитая шелком, и сам Эрик был тогда не Эрик, он был... нет, имени не вспомнить... и в том воспоминании столько... страха, боли и даже ужаса непоправимости... откуда оно?.. Но я быстро поняла, Кто навеял мне этот морок...

– Причём? – немного скривив рот, произнёс Эрик. – Очевидно, что при всём... Знаешь, что самое удивительное? Ты даже не переспросила, из-за кого «из-за него», ни мига сомнения... меня ты взять не хочешь, потому что есть только он, да? Но... я не ревную, ни к нему, ни к Вану, это Ар сходит с ума, что именно ваш с Ваном сын стал великим победителем. Да что победителем... что вообще у тебя только с Ваном родился и вырос сын. Хотя ему самому, по-моему, вообще плевать на детей... Но... не в этом дело, Яй... вообще ни в чём, кроме одного: я тебя люблю и хочу быть с тобой.

– Нет, Эрик. И я тебя люблю, но именно потому – нет. Вы братья, и вы не поубивали друг друга, потому что последние

столетия мы просто живём рядом.

Эрик рассмеялся:

– Ох, Яй, у тебя мания величия, мы могли бы прикончить друг друга несколько раз задолго до твоего рождения, но не сделали этого. Ты вообще не яблоко раздора между нами.

...Но она изменилась в лице, отводя глаза, и побледнела, потянувшись за платьем, посмотрела куда-то мне за спину и выдохнула:

– Пусть так... но... Обернись, Эр...

Я вздрогнул не из-за ее слов, но из-за и бледности, покрывшей ее лицо. Я обернулся и увидел Дьявола, которого в последний раз лицезрел ещё в Нормандии вместе со всеми... Теперь он сидел у стены, на изящном диване из золотой карельской берёзы, опустив крылья к полу, и помахивал голой ногой, забросив её на колено второй.

– Да-да, я здесь... – сказал Он, кривя в ухмылке чувственный красный рот. – А как же?.. Ты ведь помнишь? Я всё ближе, Ая...

Он довольно разглядывал нас, в то время как кресло под ним и даже стена позади покрывались черной расходящейся плесенью.

– Ты, Эрбин, можешь не бояться. Ты... владеешь тем, что не подвластно никому по сию пору со всем прогрессом, которого достигло человечество, и достиг ваш Ван... да-да, не удивляйся, Ван – величайший ум всех времён, и вы ещё услышите об этом... Остаётся только кусать локти, что я всё

никак его не получу, даже Вералга оказалась бестолкова в этом деле, так и не помогла мне подобраться к нему, каменная женщина... Ну да ладно, не о нём теперь речь. И он попадётся ещё... Так что ты, Эрбин, можешь спокойно отвалить, тебя я не коснусь, себе дороже, а Аяя... – он поиграл пальцами, глядя на них, словно в этом могло быть что-то интересное. И спросил будто, между прочим: – А кстати, Эрбин, хороша она в постели?

– Что?! – я поднялся, заслоняя Аяю собой.

– А ты как думал? – сказал Он, глядя на меня с самым непринуждённым видом. – Твой, что ли, грех? Нет, Эрбин. Нет правды на Земле, но нет её и выше, это говорю тебе я, бывший небожитель, никакой справедливости: совокуплялись двое, но твоего греха нет: хотел и взял, а её есть, она потаскуха. И я возьму её. Не сей день, так попозже... Да, Аяя?

– Изыди! – крикнула она.

– Не воображай себя подобной Арию, тебе не удастся так легко избавиться от меня. Он принял в себя моей крови, а после исторг. Но с мужчинами всё проще. Женщины всегда платят дороже, и ты это знаешь.

– Изыди! – крикнула Аяя.

– Ладно-ладно, не вопи! Разоралась, не слышали давно... – Сатана поднялся, за Ним плащом поднялась и черная плесень со стены и с кресла. – Подумаешь...

Взмахнув крыльями, он смахнул всё, что стояло на столе, на подоконнике, повалились кувшины, пара цветочных

горшков, стопки книг, всё побилось, книги разорвались, ударяясь об пол, вылетели листки, земля усыпала пол и ковры, сломались хрупкие стебли и листочки... один взмах, и всё распалось и разрушилось, миг, один миг и столько разрушений...

Я снова посмотрел на Аяю. Она, уже одетая в платье, устало села на постель, не глядя на меня.

– Часто приходит? – спросил я.

Она только отмахнулась, потом взглянула всё же на меня.

– Я привыкла. Но Он... говорит больше... Ты... вот что, Эр... не слушай ничего... «плата» и всё остальное, это Он для тебя. Он всегда так делает, все должны Его бояться, ведь страх тоже открывает ему сердца.

– Ты хорошо Его изучила.

– Ещё бы... – засмеялась Аяя. – Я – специалист.

– Замуж снова выйдешь за меня?

– И не думай! – засмеялась Аяя. – Всё, иди домой, любитель жениться. Среди смертных не нашел, к старой жене решил подольститься?

Я всё же притянул её к себе и поцеловал на прощание, и только после отправился в свой пустой и тёмный дом, куда никогда не заглядывал Сатана. Так вот почему Аяя всюду включает свет, Ему, конечно, свет не помеха, но, наверное, ощущение безопасности, всё же Князь Тьмы...

Я сладко заснул, хотя ночь кончилась и кончилась странно, и об этом мне ещё предстояло подумать, что делать с тем

как она кончилась и как продолжать...

... Я же подошла к зеркалу, рассвет только занимался, но уже было достаточно светло и можно выключить лампы. Интересно, как Эрик прошёл в дом, Дамэ не мог впустить его. Но, что теперь думать? Всё тело ныло сладкой усталостью, требуя сна, ведь я заставила себя не спать, чтобы выгнать Эрика до рассвета. Нельзя, не надо, чтобы кто-то знал, что произошло, всё закачается, и начнёт распадаться. Мы не для того соединились жить вместе в единственном в мире месте, где можно, не боясь, быть самими собой, чтобы два великих байкальских брата насмерть рассорились из-за меня. Рыба рассказывала, что из-за их ссор рушатся горы и дрожит земля. Я не видела этого, но Рыбе я верю на слово, она никогда еще не лгала...

Я вернулась в постель и заснула сразу, не успев даже вытянуться, как следует...

Глава 6. Другие восемьсот лет

Эрик рассказывал возбуждённо и много о том, что видел в большом мире, о том, что мы читали каждый день, открывая новости в Сети, он буквально не мог остановиться, взахлёб описывая, как летел в Иркутск, что отсюда всего в трех сотнях верст, и откуда он доехал уже без сложностей, потому что в самом Иркутске пока никаких противоэпидемических мер не принимали, заболевших почти не было.

– Но это дело нескольких недель, вот что я вам скажу, – продолжил Эрик. – Болезнь очень заразная, и высокая смертность. Люди боятся, хаос нарастает, если так пойдёт, в города начнут вводить войска, чтобы поддерживать порядок. А ещё кругом роботы, которым, конечно, биологическая опасность нипочём. Кто ограничит теперь роботов, тот победит эпидемию.

– А я всегда думал, что эпидемии побеждают прививки.

– До прививок ещё надо дожить, вакцины не создаются за неделю, а болезнь возникла всего три месяца назад, и уже охватила все страны мира... И это не прежние, это вроде той самой чёрной смерти, почти без надежды, если человек заразился...

– Я читал, тридцать процентов смертность, – сказал Агори.

– Если так, это очень серьёзно, такого ещё не было, – ска-

зал Викал. – Думаю, нашим лучше приехать сюда, пересидеть, пока наладятся дела в мире, предвечных зараза может убить, как любого человека. Аяя, пошли им весь, пусть приедут.

Мы по сию пору пользовались прежними нашими правилами и обычаями, потому что не доверяли ни телефонам, ни электронной почте, всем было известно, что эти средства связи были уязвимы, а Аяиных птичек и котиков никто ни перехватить, ни подслушать не мог.

– А где мы их разместим тут всех? Для Мира с Арит дом есть, а Вералга и Ван? Орсег?

– Я уступлю Вералге свой дом, – сказала Рыба. – Если не погнушаются, конечно. А сама к Аяе перейду, примешь, Яй?

Аяя улыбнулась старой подруге:

– Конечно, буду рада. У меня большой дом.

– У всех нас большие дома, – сказал Эрик, почему-то хмурясь.

– А где Дамэ, Аяя? – спросила Рыба. – Странно, что не видно его сей дань.

– А он спит, – Аяя почему-то коротко взглянула на Эрика.

– Спит? Вот дела... Уж не заболел ли?

– Может и так, ты взглянула бы, Рыба.

– А почему ты Рыбу зовёшь, не меня? – спросил я.

Аяя улыбнулась мне, опустил ресницы:

– Рыба лучше знает Дамэ, ему не лекарь нужен, а друг.

Нет, я слишком долго жду. Чего ради? И чего жду вооб-

ще? Мир, за пределами наших скал и Великого Моря, затрясся, зашатался, и может упасть. Хотя нам уже несколько раз казалось такое: и когда мы только начали строить здесь наш город на Байкале, мир выкашивала чума, и в двадцатом веке, когда войнами, идущими одна за другой, запылила вся Европа, а ненависть достигла такого накала, что казалось, мир точно не выстоит. Но ничего мгла рассеялась, и продолжили жить.

Вот и теперь нам что-то такое кажется, но мир и человечество выстояли ранее, и я склонен думать, что и теперь будет то же. Но я могу и ошибиться, в любом случае, наверное, все вскоре соберутся здесь. Сюда приедет и Ван, к чему приведёт эта встреча Аяи и Вана?.. Ван... Ван... и почему он вообще затесался меж нами? Столько тысяч лет живем, за всё это время новых было только трое – Аяя, Агори, и вот, Ван, чтобы ему провалиться...

Я давно не был в большом мире. То есть в ближние города я, как и другие ездил регулярно, но это, хотя и многонаселённые места, но всё же живущие своей жизнью, не в гуще событий и не на пересечении тысяч путей. Вот и заболевших этой новой опасной инфекцией здесь совсем немного, хотя тут Эрик прав, так пойдёт, через несколько недель на планете может не остаться уголка, свободного от заразы.

– По-хорошему мы и тебя должны были поместить в карантин, – усмехнулась Аяя, пока мы все слушали нашего путешественника.

– Можете на мой счёт не волноваться, если бы я заболел, я не поехал бы сюда, не стал бы рисковать вами.

– Ты можешь не знать... – негромко промолвил Викал.

– Погодите... Я всё же не понял насчёт роботов, – хмурясь, сказал Агори, который весь этот вечер сидел, задумчиво слушая Эрика. – Эрбин, ты несколько раз упомянул о них. Почему роботы? Ну, инфекция, понятно, новая опасная и очень заразная болезнь – это я понимаю, но роботы... Они существуют уже не одно десятилетие, двадцать первый век открыл эру роботов, и с каждым годом их, самых разных, всё больше, что плохого, что дома возводят, и улицы метут, и дома убирают не люди, а механизмы?

Эрик посмотрел на него.

– Не механизмы, Викал, то-то, что не механизмы. Будь это механизмы, я бы не волновался. Механизм – та же метла, или строительный кран, они не думают сами и не создают себе подобных, заранее вкладывая в них то, что считают необходимым. А роботы сегодняшнего дня... это не механизмы, это то, что сто лет назад назвали искусственным интеллектом и он теперь соперничает с человеческим, – сказал он.

– Ну, роботам человека не передумать, – усмехнулся я.

Эрик обернулся ко мне:

– Я понимаю твою заносчивую уверенность, Ар, и где-то даже разделяю. Но ты слишком давно не был в больших городах, где на улицах роботов едва ли не больше, чем людей. Нас им не передумать, это верно, человек существо, создан-

ное Богом, а роботы – людьми, уже поэтому люди совершенны, а роботы – нет. Но в последнее время мне кажется, что они начали об этом догадываться.

– Что? – засмеялась Рыба.

Но Басыр, хмурясь, проговорила:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я не знаю.... – вздохнул Эрик. – Но... мне тревожно. Может быть, у меня просто паранойя, но мы всюду под их присмотром, мы, не они. Никто не считает, не определяет, где они и что делают, когда мы не видим. Люди посчитаны, пронумерованы, счета, паспорта, документы, на каждого с рождения ведётся целое досье. Но не на роботов. Они свободны, люди – нет.

– Теракты, убийства и грабежи устраивают люди, не роботы. Это было придумано для безопасности, – нахмурился Викола, бледнея, однако.

– Возможно... Я не говорю, что я прав, я говорю, что мне тревожно, – пожал плечами Эрик. – Мне было очень неудобно на этот раз в моем путешествии, где за мной каждую секунду следили.

– Подожди, что значит, «что делают, когда мы не видим»? – сказал я, это и впрямь стало казаться бредом. – Ты что, подозреваешь роботов в заговоре против человечества? Фантастики начитался?

Признаться, я готов был расхохотаться, если бы я знал Эрика чуть хуже, я решил бы, что он сошел с ума. Ну какие

заговоры роботов?

– Я не люблю фантастику, ты знаешь, – сказал Эрик. – На деле всё оказывается куда страшнее и хуже, чем описано в этих красочных романах. И теперь я очень хотел бы оказаться параноиком, и чтобы вы посмеялись над моими сегодняшними страхами через год-другой. Но скажу вам честно, мне не по себе. Мне давно не по себе в современном мире, уже лет тридцать, даже пятьдесят. Сейчас 2091-й, так что и побольше... И вообще, я уже не уверен, что двадцать второй век наступит, если всё так пойдёт и дальше.

– Да не может быть такого. «Черную смерть» и ту победили, оспу, полиомиелит, «испанку», фашизм, толерантизм, что там ещё... и это пройдёт волной и схлынет. А насчёт роботов... Может электричество в мире отключить и дело с концом? – сказал Агори.

– У роботов аккумуляторы и солнечные батареи, это ничего не решит уже, это скорее погубит людей, которые вокруг электросетей выстроили свою цивилизацию, – негромко как всегда произнёс Викал.

– Дьявол мутит воду, – проговорил кто-то, кажется, Эрик.

– Нет, – уверенно ответила Аяя. – Ему невыгодна гибель человечества, с людьми погибнет и Он сам. Людские души и сердца – Его пища, что ему делать в мире, где нет людей? Он потому и сильнее год от года, что людей в мире всё больше, а чистоты и веры всё меньше...

Мы все выпрямились, переглядываясь, и засобирались по

домам. Действительно, было уже поздно, из-за этого разговора увлекшего и заинтересовавшего всех, мы засиделись дольше обычного.

– Рыба, проводишь меня? – сказала Аяя. – Заодно Дамэ полечим с тобой.

Мы с Эриком шли вдоль улицы, наши с ним дома были рядом, напротив друг друга. Вот вроде и мало нас, всего несколько человек, а город наш не меньше какой-нибудь Валетты, к примеру, а то и побольше... Места мы не экономили, и Агори развернулся, с удовольствием ровняя широкие улицы, выкладывая их полированными каменными плитами, и приговаривал при этом с грустью, что, возможно, это его последний город на земле.

– Если так пойдёт, как теперь: они архитектуру и строительство обратили в хитроумный бизнес и воровство, – сказал он тогда, мы стояли на высоте скалы втроём с Аей, куда мы подняли его, чтобы показать место, выбранное ею. Отсюда открывался вид на Великое Море, и в то же время, оно было надёжно скрыто от людей.

– Чепуха, Агори, это первый город предвечных, что тебе предстоит построить, а не последний. Начало, а не конец. А что до остального: строительство всегда было лучшим способом воровать, – сказала Аяя. – Потому великие стройки и продолжались всегда так подолгу.

Агори засмеялся и спросил её:

– Тебе откуда знать об этом, ты столетиями бежишь от

людей.

– А разве не так? – смеясь, ответила и Аяя. – Как иначе можно семь сотен лет стоять один собор? Даже во времена Кеми и вавилонской башни жульничали и воровали, что говорить...

И вот мы остановились с Эриком возле наших домов, в моём горит свет, я не выключаю ночников или настольных ламп, а в его доме темно, только на крыльце и дорожке от калитки горят неяркие дежурные фонарики, чтобы ему не оступиться.

– Свет не гасишь из-за Него? – спросил Эрик. – Из-за...

Но я не дал ему произнести имя Люцифера, я как никто знаю, что не стоит призывать Его особенно в ночи, когда Он сильнее.

– Я не видел Его давно, но свет не гашу, да...

– Ты Его боишься? – спросил Эрик, вглядываясь в меня.

Я пожал плечами.

– Это не страх, но... Я знаю, что такое быть Его игрушкой. Из всех предвечных только я один так хорошо знаю это. Он ничего не даёт, он только берёт, всё отбирает и лишает свободы... всего. Но тебя не тронет.

– Почему?

Я засмеялся.

– Они боятся тебя. Силы Тьмы в ужасе перед тем, что ты можешь, Эр.

– Они могут меня убить.

Я засмеялся. Он не понимал. Он никогда не понимал, каким даром он обладает.

– Тогда ты попадёшь к Ней, Повелительнице Той стороны, а Она этого страшится как ничего иного. Когда-то, пока ты не осознавал своей силы и власти над ними – да, они могли тебя убить, но не теперь. Ты же не останешься там, за Завесой.

– Нет, конечно, – засмеялся он.

– Вот и ответ тебе.

– Я остался бы там только с тобой и с Аяей. Но вас я Им не отдам, так что... Будем жить, Ар.

Мы пожали друг другу и даже обнялись. А перед тем как уйти к себе, я спросил:

– В мире, действительно, так страшно нынче?

Близко глядя мне в лицо на хорошо освещённой улице, Эрик сказал:

– Хотел бы я ошибиться.

Эрик никогда не был трусом, никогда не был осторожным, и тем более тем, кто чувствует беду там, где её нет. Напротив, он мог не заметить того, что уже било волнами о крыльцо дворца, как сам он говорил, имея в виду, и наводнение, погубившее Авгалл и все приморское царство, и то, что его самого некогда едва не подняли на вилы повстанцы под предводительством Маррея-царевича, и даже преступную жену Зигалит... Поэтому я склонен был ему поверить. Если уж Эрик бьёт в набатный колокол, это не значит, что пожар прибли-

жается, это значит, занялась крыша...

И это ещё больше укрепило меня в моём решении действовать немедленно, ведь если так, не сегодня-завтра в наш город явиться Ван, а его я считал настоящим соперником, потому что только он сумел сделать того, чего не удалось даже Эрику, он отнял у меня Аяю. Ему она родила сына, и, если бы он не натворил непоправимых ошибок, что привели его в объятия Вералги, в плен, что был организован ею, в её силки, как выражалась Рыба, я не знаю, что было бы в течение всех этих веков, увидел бы я Аяю вообще.

– Что ты... говоришь... – поморщилась Аяя, когда я сказал ей это уже не следующее утро.

Я пришёл очень рано, она едва пробудилась, я застал её в утреннем платье, причём внизу мне встретилась Рыба, что, как оказалось, ночевала здесь. И спросил у неё о здоровье Дамэ, вспомнив, что вчера его не было с нами.

– Нормально всё. Ты... – Рыба взгляделась в меня и не стала задавать вопрос, а сказала, приглушив голос: – Ты поднимайся, Арий, наверху она, только что умывалась, воду лила, я слышала. Так что... иди, с Богом. И... не тушуйся. Ломаться будет, не отступай. Неизвестно, что нас ждёт-то, а ты всё ждёшь... нечего с женщинами ждать, будто не знашь. Приходишь и берёшь. Не то другие отберут.

Дожил, что Рыба меня к Аяе толкает едва ли не насильно, подумал я. Вот жалкая я фигура, как состарившийся девственник, даром, что это иллюзия... Вот и застал я её, уби-

рающей постель. Она вздрогнула и обернулась. Большой тяжёлый лесной кот спрыгнул с подоконника внутрь комнаты, поглядел на меня и, подняв хвост, неторопливо вышел вон.

– Ты что это? – Ая вздрогнула от неожиданности, увидев меня в дверях. – Ты как... кто тебя впустил? А... Дамэ так и не встал ещё.

– Рыба впустила, – сказал я.

– Понятно... она спит и видит, как меня замуж пристроить, просто не может терпеть, что я не при муже. Сама всю жизнь в девках, а меня всё замуж толкает, вишь как...

– Правильно толкает. Яй... давай поговорим? Столько сотен лет ты всё наказываешь меня за ошибки, в которых я виноват, конечно, но уже можно и простить...

– Я давно простила, Ар. Неужто ты считаешь, я две тыщи лет только и думаю, что тебя надо наказать? – ответила она и бросила последнюю подушечку на покрывало довольно большой для одного человека кровати, у нас всех большие кровати, мы не мельчили, для чего в своём городе, настоящем оплоте свободы, ограничивать себя тесными коробками?

Она улыбнулась мне, умытая – да, но волосы ещё не убрала, они, расчёсанные, струились по спине и сбегали волнами, когда она наклонялась, поправляя покрывало. Веки, ещё немного припухшие со сна, милая...

– Пошли вниз завтракать. Я кофе сварю. Ты уже ел сегодня?

– Ел... да не помню я, – рассеянно произнёс я.

– Вот и идём, раз уж явился спозаранку как Вини-Пух.

– «Кто ходит в гости по утрам»... ну да, – улыбнулся я, мне тоже нравился этот мультик, которому уже сто с лишним лет. – Я поступил мудро.

– Идём, мудрец, – Ая даже коснулась меня, проходя мимо в дверь.

Внизу в большой кухне, к которой прилежала веранда с одной стороны, и здесь проводили время и обедали летом в зной, и с другой стороны – столовая. Здесь я бывал, а там, наверху в спальнях – нет.

– Если простила, живи со мной, – сказал я без обиняков, остановившись на границе кухни, где она принялась хлопотать с кофе и чашками.

Ая только качнула головой, чуть улыбнувшись, ничего не отвечая, привыкла к тому, что я говорил уже это, не воспринимает всерьёз. Или меня не воспринимает уже.

Поставила на стол чашки из бело-голубого английского фарфора, это ей Эрик привёз сервиз ещё лет двести назад, «чтобы ты могла всех нас угощать», сказал он тогда. И она угощала именно с него нас всех, когда мы бывали у неё в гостях. Пьёт ли она из этих чашек каждый день, я не знаю.

– Пью, но редко... разбила пару, вот и не трогаю теперь, не то не с чего будет вас угощать? Эрик любит красивую утварь...

– Я привезу тебе хоть сто таких сервизов для Эрика.

Она посмотрела на меня, кофе-машина зафыркала, готовая налить нам кофе, к запаху леса и травы подмешался запах кофе горячий и терпкий, густой.

– Не надо, – сказала Ая, и поставила чашку с кофе возле меня, дала мне ложечку. – Не надо тебе никуда. Видишь, что там делается. Это Эрик ещё человек неробкого десятка, во-первых, а во-вторых: он и под носом опасности не увидит, и если уж он встревожился, значит поздно и готовиться, надо уже беду на порог ждать.

– Вот и я об этом. Скоро все наши сюда пожалуют, надо полагать.

– И что? Милости просим, места всем хватит у нас на Байкале, в единственном городе предвечных, – сказала Ая, усаживаясь напротив меня.

Утренний халат из белого кружева распахнулся на мгновение у неё на коленях, она соединила полы, пряча свои блестящие коленки.

– Ван приедет, – сказал я, внимательно глядя на неё.

Она лишь пожала плечами:

– Приедет. Они с Вералгой приедут. Я думаю, Орсегу тоже стоит у нас пока поселиться. Если то, что Эрик предполагает о роботах, то безопасных мест вовсе нет, даже в океанских пучинах. Убьют его и дело с концом.

– Бог с ним, с Орсегом...

– Бог с ним, когда-то ты не терпел даже упоминания о нём, – усмехаясь, Ая опустила ресницы. Забыла и прости-

ла? Как бы ни так... н-да, напакостил я изрядно, но неужто больше Вана?..

– Ван в плену у Вералги, – сказал я, внимательно глядя ей в лицо.

– Это Рыба сказала? – Аяя засмеялась. – Ты что, в её выдумки веришь? В плену... разве такого как Ван хоть кто-то в плену удержит? Вспомни, как он едва через седмицу после посвящения мог. Нет. Глупости это, Рыбины байки, она любит создать драму там, где её в помине нет. Ван там, где он желает быть, как и все остальные.

Вот это уже надежда... Она уверена, что Ван выбрал Вералгу и всё. Но я не сомневаюсь, что всё не так просто, что выбирать между Аяей и Вералгой никто не станет, даже если у человека не всё в порядке с головой, даже Викола от Вералги ушёл жить около Аяи, это не выбор, это как воздух и его отсутствие. Так что нет, Ван, конечно, не выбрал жить с Вералгой. Но почему он с нею и что именно между Ваном и Вералгой, я не знаю, но это и неважно, гораздо важнее то, что Аяя считает, что Ван влюблён в Вералгу...

– Ну... тем более – сказал я. – Яй, сама говоришь, что простила меня, тогда...

– Что, Ар? Что тогда? – она подняла прекраснейшие глаза на меня, солнце проникло в них, отсвечивая тёмно-коричневым зрелым янтарём. – Восемьсот сорок лет назад мы говорили об этом, я всё сказала тогда, я повторяла тебе это всё это время, ничего не изменилось. Неужели ты ещё испыты-

ваешь желание ко мне? – она усмехнулась уголком рта. – Чепуха... мы работаем вместе, ты видишь меня каждый день, и ты прекрасно обходишься без меня, летая ночами к ночным домам, где спят живые тёплые женщины, открывающие тебе свои объятия... так ведь?

Я смутился немного. Да, Аяя не Рыба, её не обмануть, не ввести в заблуждение моим мнимым воздержанием, она знает меня как никто, как даже Эр не знает...

– Да, Яй... жениться каждые двадцать лет, как Эрик я не в силах, но и аскезы выдержать тоже не могу.

– Не сомневаюсь. Но на что тебе я? Чтобы не надо было никуда летать, а под боком, когда захотел, тогда и сунул?

Этой вульгарной грубостью она хочет, как кнутом хлестнуть, отогнать меня?

– Ты меня больше не любишь?

– Нельзя перестать любить. Любовь или есть или нет. Как и жизнь. Можно ошибиться вначале, приняв влюблённость за любовь или наоборот, не принимая любовь всерьёз, но если она входит в сердце – это навсегда, что бы ни происходило, и сколько бы ни прошло лет.

– Так значит...

– Ты хотел это знать? – Аяя отпила кофе, облизала губы... – Ну знай, если это ласкает тебе сердце, и услаждает твоё самолюбие. Я тебя люблю. Конечно. И не перестану любить, даже если ты меч приставишь к моему горлу... а нет, теперь мечей не носят, ну этот... пистолет ко лбу. Не важно.

Ничто не важно, Огнь. Даже то, что ты, обезумев, стал демоном когда-то, даже те дни я вспоминаю с ужасом и ненавистью. С отвращением. Но и с наслаждением...

Боже мой... у меня не то, что загорелось, у меня взорвалось сердце. Точно настали последние времена, если Ая говорит всё это. Но оказалось, что она ещё не всё сказала...

– И... – она отвернулась, ближе придвигаясь к столу, и прижала лоб к поднятым побледневшим рукам. – Больше скажу тебе, коли мы... стали говорить... Раз уж... ты проник сюда говорить... Спать с тобой – наслаждение без меры и без края, как ни с кем. Словно... не знаю... меняется атомная структура во мне... Это не все эти глупости с оргазмами, делов-то – кончить, это можно с кем угодно, с любимым, если он не груб и не воняет... Нет, Огнь... это... как божественное снисхождение, как солнце на коже, как... это нельзя сравнить ни с чем... Ни с чем иным, Арий... И всё только оттого, что я люблю тебя. И вот ты как раз можешь быть любимым, ты можешь быть и пьяным, и вонючим, и грубым и грязным, и ругаться, и от другой женщины прийти... но и тогда... И, когда ты хватал меня в хлеву и задира лоб на голову, и тогда с тобой было... наслаждением... и тогда... каждое прикосновение, каждый твой выдох, и синяки, что оставались от тебя, семя, текущее по моим ногам... ничто этого не меняет... Господи, ничто... просто ужас... Потому я и не уходила столько времени тогда... просто не могла. Никогда не могла без тебя... – она выдохнула, опустив голову. – Ну и всё. За-

помни и не говори больше.

– Яя...

– Не надо... Я за тебя отдам жизнь, всю до капли, не раздумывая, но жить с тобой как прежде не стану.

– Боже... почему... если я мужчина твоей жизни? – воскликнул я.

Я думал, она... Господи, да я забыл, какая она, жить рядом – это не жить друг с другом, забываешь, упрощаешь, только чувствуешь, но сознание не всегда читает сердце, голова плохо слышит душу...

Ая повернула голову ко мне, и смотрела теперь снова этими своими непостижимыми глазами.

– Больше, Огнь. Куда больше, чем мужчина моей жизни... Намного больше... это было бы... слишком мало, слишком легко и просто... это бы ещё ничего... Я не помню и не знаю, откуда мы знаем друг друга. До Кеми и Кратонова дворца я не помню ничего. Что бы мне ни рассказывали о тех временах, для меня это лишь слова, звук, не больше. История Байкала, что я читала, там и обо мне, но я... того не помню. Ни родителей, ни Байкала до того как... словом, ничего до того помню. Только, как впервые увидела тебя, как ты коснулся моей руки, как смотрел... это и влило в меня жизнь тогда, жизнь и сознание. И после...

Она вздохнула. И снова отвернулась, откинулась на спинку стула, сложив руки на груди, теперь мне стал виден её профиль, совершенные линии, гармония не требует описа-

ний, абсолют понятен всем, но разве я красоту любил в ней всегда? Я любил и люблю то, что она такое... с первого мига, как увидел, когда и не понял ещё, кто ввалился ко мне в дом среди ночи, за мальчишку принял... Но тогда уже с первого мига я был счастлив, что она появилась. Ничего не осознавал ещё, ничего не думал такого, я, нелюдимый отшельник, обрадовался ей, потому что только её и ждал всю свою жизнь. Будто знал, что надо ждать... А теперь... потерял и не могу, никак не могу вернуть, и это превращает в ад каждый мой день. Дьявол не трогает меня с тех пор как Бог взял снова в свои руцЫ, а я по сию пору не изжил ад, в который превращается существование без неё.

Меж тем она продолжила говорить:

– Знаешь... с Агори, и с Виколом я поводила исследования и... вот, что оказалось: я, моя кровь входит в резонанс твоей. Мои клетки и твои... если их приближать, реагируют, на поверхности мембран появляются псевдоподии, тянущиеся друг к другу. У соматических клеток, у которых в принципе не может быть псевдоподий... Я провела несколько тысяч серий опытов, я делала это между всеми нашими здесь, я брала клетки растений, животных, Басыр привозила мне образцы крови тысяч людей из городов, где она бывала, то же делал Мировасор и Орсег. Я всё искала чего-то подобного, надеясь заметить в каких-нибудь ещё организмах, но нет... растения, птица, рыбы, простейшие, травы, цветковые, люди... между собой, вперемишку... даже не тысячи, не сот-

ни тысяч, миллионы опытов. Ни в одном случае, ни в одном сочетании не появлялось то, что происходит между нами. Даже наши волосы... если положить их рядом, электрические заряды выстраиваются так, что они притягиваются, сближаются. Лежат на расстоянии, но через несколько минут оказываются переплетены. Даже у вас с Эриком не возникает этого, притом, что ваши клетки почти неотличимы друг от друга, удивительно похожи структурами, расположением органелл, особенностями окрашивания, как набирают краситель, во всем, до молекул... словом, удивительно похожи, как ни одна другая пара близнецов на земле. И это при том, Ар, что у вас разные гаплогруппы, если исследовать ваши Y-хромосомы. Представь себе, внутренне вы почти неотличимы, несмотря на то, что отцовская хромосома в вашей паре претерпела неожиданную мутацию в момент оплодотворения... на самом деле удивительный феномен, больше я такого не встречала тоже. От отца могут появиться разные сыновья, то есть сыновья с мутациями по гаплогруппе, так они и появляются, собственно говоря, но чтобы... однойцевая пара близнецов претерпела такие изменения, что вы... стали и абсолютно одинаковы по своим структурам, но различны фенотипически. Кстати, ты знаешь, что вы родились с ним с разницей в два часа? Эрик до полуночи под знаком Близнецов, а ты после полуночи уже под знаком Рака. Так что, Ар, вы – редчайший феномен, вы близнецы, родились не один день и вас ведут разные созвездия. Я изучила и про-

чла всё, что писали когда-либо о близнецах, все проводившиеся когда-либо исследования, в этом мне очень помогал Викал, кстати, наш книгочей. И сама тоже провела сотни тысяч исследований близнецов, со всего мира мне привозили образцы.

– Что, тоже Басыр?

– Да, Басыр всегда помогала мне, – Ая кивнула, взглянув на меня. – Её не очень интересовало, для чего мне, она довольно равнодушна к этому, ты знаешь, её больше физика интересует, хочет нарастить Силу, которой обладает, но это... невозможно сверх данного. Либо ты способен, либо – нет, можно развивать способность, доводить до совершенства, как оттачивать меч, но приобрести что-то за пределами возможностей клеток... Не знаю, если только облучить или воспользоваться генетическим ядом... Попытаться на клеточном уровне можно, но что это даст для целого? Никто не захочет подвергнуться радиации или яду, чтобы проверить, сможет летать беспрепятственно в космос или не гореть в горниле вулкана. Так что да, Басыр помочь не отказывалась. И Басыр, и Орсег, и Мировасор, он человек любознательный, и ему было интересно помочь мне в моих исследованиях.

– Скорее любопытный, – заметил я.

– Даже если так, мне это его качество было полезно.

– Я знал, что ты проводишь исследования разных животных и людей, но не знал, что ты... изучала нас с Эриком, – удивился я.

Аяя рассмеялась:

– Так вы с Эриком один из самых изумительных феноменов на планете, не просто редкое, редчайшее исключение во всём, даже среди предвечных. Мало того, что вы братья, а кровные родственники не бывают предвечными, вы царицы, а предвечные не рождаются в царских семьях, этому возбраняется сама вселенная, ты это знаешь как никто. Бог знает, что бессмертному не следует быть царём... Так что да, я начала с изучения вас как пары близнецов, обладающих необычными признаками, хотелось понять, как вообще это возможно... А дальше... как обычно в таких делах, открылась бездна «звезд полна». Да, структурно вы как один человек, но человек, которого на уровне зиготы разделили надвое. Что случилось в тот момент, из-за чего... Вспышка на солнце произошла, выброс земной энергии, что-то с семенем вашего отца случилось, или мать пережила что-то, некое воздействие... я не знаю, и единственный человек, кто мог бы мне сказать, что было незадолго до вашего рождения – это Вералга, а она помогать мне не станет. Я вообще пока не понимаю, как получились все мы, предвечные, это ещё предстоит разобраться... Но вы с Эриком особенные, даже по меркам предвечных, как я уже говорила.

– А когда ты стала сравнивать наши с тобой клетки? – спросил я, удивляясь, как много я, оказывается, не знал о том, чем она занимается.

– Да вообще-то это произошло случайно. Я увидела, что

ваши с Эриком настолько похожи, это показалось удивительно, тогда и стала смотреть остальных предвечных, подумала, быть может, это общая особенность для всех нас... А с кого начать? С себя и начала. Брала кровь у себя, и случайно капнула в чашку Петри, где был твой материал, такая глупость... себе-то неловко, не делаю так больше... Ну, а раз напортачила, подумала, дай взгляну, как, похожи наши клетки крови, как у вас с Эриком или... пока пластырь на ранку наклеивала да микроскоп ставила, знаешь что произошло? Капли потянулись друг к другу. Сообрази, к краю капли выстроились, и псевдоподии вытянули. Наверное, если бы не высохли и остались так, то слились бы капли, а расстояние было не менее восьми миллиметров от одной капли до другой. При том, что твоя кровь была разведена цитратом, почти клеточная культура, не чистая, конечно, но... И не похожи несколько, только ваши с Эриком клетки не просто похожи, а близнецы, будто от одного человека, больше нет такого сходства ни у кого и ни с кем. Но моя кровь потекла к твоей, а твоя – к моей. Вопреки законам биологии, физики, вопреки всему, клетки крови двинулись навстречу, будто что-то сообщило им движение, как в сосудах, когда толкает сердце, а тут на стекле... Больше никогда такого я не наблюдала, как я уже сказала. Явление необъяснимое. И... даже ещё больше скажу – если записать вибрацию наших клеток вблизи друг друга и перевести колебания в звук, получается мелодия. Вообрази, я ради забавы сделала это на компьютере, звучит...

– Звучит... И... какая мелодия? – рассеянно спросил я, пораженный до глубины души, я предположить не мог, что такую эфемерную вещь как чувства, оказывается, можно увидеть, и даже записать в виде мелодии. Не придуманную одарённым музыкантом, а пропетую твоим собственным телом. Или душой, что поёт в каждом атоме тела.

Аяя улыбнулась, качнув головой.

– Так они разные. Всякий раз ставь рядом культуры твоих и моих клеток и записывай возникающие колебания, и всегда мелодия, и всегда разная. Разные высоты колебаний, длина волны, ну и тому подобное. Захочешь, дам тебе послушать...

– Что ж ты мне... мне, физику, не сказала?

– Никому не говорила, боялась, на смех поднимут.

– Какой смех, если... Поразительно, увидела такое о нас, и... и молчала.

– Вот, говорю. Об этих колебаниях я недавно узнала, доказать ещё надо было, убедиться. Поначалу думала – морок.

– Яй... что ж тогда... – я не мог понять, почему тогда, когда она получила, необъяснимые, правда, но подтверждения того, что мы предназначены друг другу, даже созданы друг для друга, почему она так настойчиво не хочет быть со мной...

– И ещё больше скажу тебе. Биохимические процессы у предвечных такие же абсолютно, как у всех людей. Но при смешении клеток твоих и моих появляется флуоресценция. И еще слабое, но фиксируемое радиоактивное излучение.

Рентген двадцать-тридцать не больше, что есть у всех предвечных, но при смешивании наших клеток оно усиливается, единиц на десять. Клетки, точнее атомы, возбуждают друг друга каким-то образом и... Словом, ты, физик, найди этому объяснение.

– Объяснение... я найду... Но, Яй... Даже если бы всего этого не было, если бы... Чёрт с ней, с наукой, не знал я, но разве это всё меняет что-то? Разве я меньше любил и хотел тебя? Это только так... доказательство, ещё одна звезда на небе... Но... тем более теперь, когда ты... почему ты не хочешь быть со мной? Это же... – мне не хотелось говорить: это же так глупо теперь сопротивляться, тем более что даже структурно происходит что-то необъяснимое, что связывает нас, но я не стал договаривать, чувствуя, что она скажет сама

Она встряхнула волосами, они, свободно расчёсанные, тяжёлыми волнами плеснулись по спине. И сказала, словно размышляя сама с собой:

– Потому что... потому же, почему сбежала от тебя тогда, почти две тыщи лет тому. Не потому что ты в раж вошёл и сутки не унимался в ненависти и злости, в дурной страсти, не любовной, но злобной... будто убить хотел, да хуже, за топтать... не в любви, а в её ложной уродливой личине...

Она опустила голову, и хорошо, что не посмотрела на меня в этот момент, со стыда я готов был сгореть теперь же, можно было бы забыть, что я творил с ней тогда, как я... Я всё помнил, как и она, каждый миг, я забыл бы, да не мог.

Всё, что было с ней, каждый день, все тыщи лет вместе и всё, что было, я помню всё. И всё, что было в те последние наши двести лет вместе, всё... не хотел вспоминать, потому что ненавидел себя, потому что отвращение к себе душило меня, но я помнил... Что было отдельно от неё – нет. Ни жён, ни городов, ни того, что я делал, по каким улицам ходил... Только то, что было у нас вместе с ней...

Она вздохнула и заговорила снова:

– Вовсе не потому я убежала тогда, я говорила. Не от обиды, не от слёз и унижения... Не от тебя... не сердилась я и тогда. Не в том было дело. Не в тебе, ты таков, какой есть, и тогда, те годы, впуская в свою душу всё больше адского яда, ты всё равно оставался собой. Я ушла, чтобы самой... самой не раскрыться Аду. А я встала на грань этого тогда. Я поняла, что наслаждение тобой во мне тоже переходит в ненависть и отвращение, ещё капля и возврата не будет. И я не могла потерять искры, что живила меня, единственное, что не пускало во Тьму. Что мне было бы в этом мире, если бы я перестала любить тебя? Именно этого я и боялась и боюсь больше всего – перестать любить тебя. Перейти черту, за которой любовь вырождается в пресыщенное отвращение. Дьявол именно этого и хочет от меня. Только потому я ещё не Его, что всё так же люблю тебя, и моя кровь стремится к твоей...

– Яй... – я потянулся к ней.

Я понял, сейчас я хорошо понял, о чём она говорит, я не

мог понять всё это время, чувствовал излучение любви от неё и не мог взять в толк, почему вопреки этому, она не хочет быть моей. Я как последний идиот, думал, она просто наказывает меня по-женски. Господи... Аяя никогда не была примитивна.

– Яя... – я коснулся её руки. – Яй...

Но она отодвинулась от меня.

– Это... Ар... всё, что я сказала, ничего не меняет. И сказала для того, чтобы ты понял. Мы дошли с тобой до черты, до границы. Точка в предложении, окончание книги.

– Да нет же! Смерть и то не конец, а ты...

– А у нас конец. Услышь меня, наконец!

– Да я слушал! – воскликнул я. – Я полдня тебя слушал. И услышал, и я понял. И прощения просить не за что уже, ты сама всё поняла... Может быть, в первый раз до конца понял, что случилось в ту ночь, когда ты бросила меня и сбежала... Я понял, что ты... Не от меня бежала тогда. И спасалась после не от меня... Послушай, Яя, ты права. Ты... я знаю, что такое спастись от Него. Я... Но не обо мне теперь речь... Я вот, что хочу сказать... Мы живы, мы родились друг для друга. Ну пусть я... урод, который не всегда способен ясно мыслить, но... ты всё равно меня любишь. Мы с тобой... Ты – женщина, я – мужчина, и для чего мы годы, столетия проводим врозь? Для чего ты толкаешь меня искать проклятого этого секса на стороне?

– Тебе секс так нужен? Господи... – скривилась она на-

смешливо.

– Да нужен! – вскричал я, хлопнув ладонью по столешнице, вот еще, нашла к какому слову прицепиться. – Нужен мне секс, Яй! Как тебе ни это странно, высшему существу! Отлить всякому надо!.. Но разве я об этом говорю... не сбрасывай! Отлично ты всё знаешь! Ты всё знаешь! Я не понимаю, зачем нам быть отдельно?!

Я ударил уже кулаком по столешнице, весь подаваясь к ней, она поднялась, отклоняясь, но между нами всегда полшага...

Но вдруг голос Дамэ дёрнул меня, словно он толкнул меня в плечо:

– Арий! Оставь её! Ты слышишь?! – он стоял в дверях, очень бледный, и даже покачиваясь будто, за ним я увидел Рыбу. – Немедля! Оставь Аяю!

Ну уж нет! Всё, всему приходит конец, и моему терпению... конец книги, да щас вам!

Я вмиг проделал эти полшага и схватил Аяю за талию рукой, большего не потребуется, как она сказала, развить способность можно до совершенства, если она есть, у меня была, как и у неё. А потому я в мгновение ока вылетел с нею в окно.

– Да ты что!.. Пусти!.. – Аяя взвизгнула, отталкивая меня, выгнувшись.

Но было поздно, мы взмыли высоко в небо, и держал я её крепко, как некогда Гор держал Хатор, только сатанинских,

отливающих сталью крыльев уже не было у меня. Теперь я был просто человек. Предвечный, но человек.

Глава 7. Цунами

– И-э-х... батюшки... – выдохнула Рыба, рама на окне вылетела, стекло разлетелось в пыль где-то на дорожке у дома.

Мы подбежали к окну, но их уже не видно. За верхушками деревьев, или они уже улетели высоко, не знаю, но кроме выбитого окна веранды и остывших голубых чашек на столе, ничего не осталось. Скатерть сдвинулась неловкой толстой волной...

Рыба подошла к столу, поправила, и села в задумчивости или усталости, на Аяин стул.

– От-ить как, Дамэшка... Ты это... вскинулся ты зряшно. Пусть уж прибьётся она к какому берегу, сколь же можно? – проговорила Рыба, что ухаживала за мной сегодня. Я так и не понял, что же случилось, я даже плохо помнил, как было, кофе мы с Эрбином пили, а после я уже в своей кровати... и проснуться не могу, будто...

– Отравили меня, а, Рыба? – спросил я.

Она посмотрела на меня.

– Нет, Дамэшка... не отравили, иначе ты бы умер. А ты живой. Не думай про то, Дамэ... Будем жить, время снова ускорилось, что-то происходит, начинается. Эрбин сказывал, что делается в мире. Возможно, скоро сюда все наши приедут, спастись от новой чумы. Все наши, понимаешь?

– И... Ван?

Рыба пожала плечами.

– Ну да, Вася тоже.

– Ты считаешь, что Вералга, после того как связалась с...

Рыба внимательно посмотрела на меня.

– Слушай, ты не ошибаешься на её счёт? Чтобы Вералга связалась с... с твоим Создателем... странно это как-то.

– В таких вещах я не ошибаюсь.

Рыба посмотрела на меня.

– Тогда будем надеяться, что Вералга не придет.

Вот тут мы и услышали, как кричат на веранде, и я, вспомнив, зачем я в этом доме, бросился с кровати сюда. Ну, а здесь... Теперь и в небе не видно.

Я снова подошёл к сломанному окну.

– Не беспокойся, Арий сломал, сам и отремонтирует, он парень рукастый, даром, что на троне родился.

– Рукастый... будто руки марать станет, махнет и готово все.... –проговорил я.

– Ну-ну, не ворчи, и рук марать он не гнушается.

– Куда они улетели? – сказал я, глядя в небо снова.

Рыба подошла ко мне, похлопала по плечу.

– Пушай.

– Она просила меня не подпускать их, Рыба. Никого.

– Знаешь, что скажу тебе, Дамэшка, женщины иногда говорят совсем не то, что думают, не то, чего хотят. Даже самые умные женщины... Пушай. Тут... вем, Бог управляет, не мы сами.

Я посмотрел на неё.

– Проворонил я.

– Вот и хорошо. Ляг, отдохни, хватит псом цепным сидеть около неё, – сказала Рыба. – А я подожду. Побуду с тобой...

Аяя вскрикнула и выставила руки, отталкивая меня, пытаясь вывернуться. Но нет. Теперь я не выпущу. Всё верно ты говорила, и я понимаю, и ты права во всём. Но потому я и не отпущу тебя. Я другой. Ты не знаешь этого, я не слышу больше голоса Ада, я не вижу Его, Он не приходит ко мне, и я не в Его власти. Того, что едва не заставило тебя ненавидеть меня, больше нет. Больше нет...

А есть я, тот, что помнит не только времена после Кеми, когда ты неизменно любила меня, но и те, старые, байкальские, когда ты помнила Марея, и не хотела меня...

– Огнь... отпусти, ты что?!.. – выдохнула она, когда мы приземлились на вершине скалы, я заметил тут небольшую площадку и спустился именно сюда. – Пусти!.. Вот... дурак... Дурак! – в бессилии кричала она, не в силах вырваться из моих объятий.

Я выпустил её из рук уже на земле, здесь, на этих камнях и пыли, в окружении кривых от вечных ветров сосен.

– Ты что делаешь?!.. Ты что?!.. – воскликнула она, споткнувшись, плеснув распушенными волосами, и едва не упала, потому под ногами тут валуны. – Ты...

Ну, а потому я, снова подхватил её под спину, предупре-

ждая падение, могла ведь разбиться об окружающие камни, я Силой расшвырял их с площадки, и осталась она гладкой, лишь покрытой толстым слоем мягкой нагретой пыли.

Халат её, из кружева цвета молока, в борьбе и в полёте раскрылся, сваливаясь с плеча... нет, я не отпустил её больше. Нет уж... Да, в пыль... что теперь, если кругом глаза и уши, и приходится забираться к самым небесам как какие-нибудь птицы, чтобы остаться одним...

– Огонь, ты... – забарахталась Аяя, пытаюсь выскользнуть, но только напрасно пылила себе на волосы. – Не надо... не надо... потом не... не остановиться... а-ха-а... не на-да-а-а...

И я знаю, как знает и она, что если бы она хотела, действительно, толкнула бы меня так, что я улетел бы на Луну, она способна стены высотой до неба толкать, что ей я, как комар...

Я вдвинулся мощно, иначе не мог, и мне казалось, не членом, весь я, всей душой с сердцем, со всей моей не расходуемой почти две тысячи лет страстью, всеми мыслями, всем, что есть во мне, с вожделением только к ней... я жизни так не хочу, как её, потому что жизнь без неё бесцветна и безвкусна... И я чувствую её так, как не чувствую ничто, весь я там, в моём уде, как на острие стрелы, что я... вселенная, и она горит пламенем невыносимой ослепляющей яркости и... сладости...

...Волны экстаза накатывают одна за другой, не делая пе-

перыва, никакого отдыха или охлаждения...

Огонь... я думала, что не забыла, как это... как это, когда ты так близко, когда я уже не понимаю, где я, а где уже ты... я думала, я... могу жить без тебя... Но я забыла... забыла... а это совсем другой мир...

Небо засияло всеми возможными оттенками синевы и золота, воздух пахнет смолой, горячей хвоей, нагретыми камнями и твоей кожей, твоими волосами, их гладкий шёлк намок от пота, набрал пыли, но аромат всё тот же – полынь и горький мёд...

Я думала смогу любить тебя и, не касаясь, но... я хочу касаться тебя, не отрываться от тебя и чтобы ты касался не только взглядом, который я чувствую...

Что же это такое... какое же это счастье соединиться с тобой, и пусть всё остальное взорвётся и сгорит, хоть весь мир. Я опять я, и ни страха, ни тьмы, ничего, кроме тебя, твоего дыхания, твоей души так же вошедшей в мою, как твоё тело влилось в моё, внутрь и снаружи, твои руки, живот, бёдра, твой язык и губы, твои волосы перепутались с моими, ты со мной, и я жива, я чувствую, как жизнь вновь задышала во мне, заливая меня всё новыми волнами горячего счастья... Ещё, Огонь, ещё... поцелуй меня ещё, мне всё будет мало... не напиться тобой...

– Иди сюда... ты... не надо на камнях... – он подтянул меня на себя.

– Они теплые... да и... не твёрдо... здесь, – сказала я су-

хим, непослушным горлом, ещё вздрагивая от скачки сердца.

– У тебя... кровь... кровь на спине, «не твёрдо», – он улыбнулся, убирая волосы у меня от лица.

– Да?.. я не чувствую ничего... кроме... я хочу тебя... снова, – сказала я, глядя в его прозрачные глаза, чистая вода...
Огник.

– Точно? – засмеялся он, поднимаясь и удерживая меня в объятиях.

– Не точно... сильно...

Это не наслаждение, не экстаз, это громадней и выше, больше всего иного, всего, что вне этого, что я чувствовал, когда бы то ни было. Только с нею, только с нею всегда так...

Мы, все грязные от намокшей от пота пыли на нашей коже, волосы превратились в грязные плащи, но что может нам мешать? Она прижала лоб к моей щеке, губы распухли от страсти и пересохли от яростно вырывающегося дыхания, но ещё слаще на вкус вот такие, и рот горячий, сладкий, язык к моему... и дыхание, и сердца скачут словно одно...

– А... не хотела меня... – засмеялся я, уж день перевалился к закату.

Я повернул голову, у неё вздрагивают соски от быстрого бега сердца, ещё не замедлившегося, ещё бешеного, как и у меня.

– Ну... я же... хотела, как не хотела... как я могла... не хотеть... ты не брал, вот и... уговаривала себя, что и так...

и так можно... и так хорошо. Что и так хорошо, что так лучше... – улыбнулась она, глядя в небо.

Вот счастье-то... вот как это небо, бескрайнее, бездонное. Даром, что я знаю, что это небо не так уж и велико и за ним чёрная звёздная чернота, но я вижу его таким, как моё счастье – бездонным и безмерным...

– Яй, скажи мне... Ты рассказала, что... наши с тобой клетки тянутся друг к другу... я понял, но... а... чьи ещё тянутся к тебе? К твоим? – спросил я, предполагая, что давеча она сказала не всё.

Она помолчала, улыбаясь.

– Все? – спросил я, потому что уже знал ответ. Потому что я так и думал.

– Догадался... – Ая повернула голову ко мне, улыбаясь. – Я не хотела говорить, разве это важно.

– Не важно, но многое объясняет... – я провёл рукой по её лбу, куда упала прядь волос, на коже осталась полоса. Ох и грязны мы...

– Все абсолютно. Всё живое. Клетки всех людей, животных, даже растений. Всё приходит в движение, оживает, словно в моих магнит. Странно, да?

– Ничего странного. Магнит и есть, и самый мощный из всех на Земле. Потому ты – Богиня Любви. Я всегда это знал. Ещё... очень давно...

Она повернулась ко мне вся.

– А мои только к тебе. Только к твоим... – она повела по

моей груди ладонью. – Ох и грязны мы с тобой, Арюшка... Летим, в Море окунёмся.

– Вода ледяная, поди, – улыбнулся я, вытирая разводы грязи у неё на щеке, слёзы, пыль, мои поцелуи, чего там только не налипло... – Летим.

Она сверкнула улыбкой, мы поднялись, подхватили одежду, превратившуюся здесь в пыльные тряпки.

– Я знаю тут одну бухту среди скал, людям туда не подойти ни с берега, ни с Моря. Только таким как мы и в воду и на берег, летучим, – сказала Аяя.

Бухта эта совсем маленькая и полоса берега совсем узкая, а глубина большая, уже у самого берега. Мы купались, выполоскали насколько возможно было одежду, и развесили на камнях вокруг сушиться, а сами лежали тут, на траве, совокупляясь снова и снова, снова купались...

Солнце подкатилось к горизонту, когда Аяя принесла подсохшую, хотя всё же сероватую нашу одежду.

– Возвращаться пора, Ар. Ночевать тут нельзя, застынем насмерть.

– Летим ночевать ко мне, – сказал я, одеваясь.

Волосы спутались у неё и у меня, расчесать было нечем, она заплела свои в толстую лохматую косу, намереваясь, вероятно, расчесать дома, придётся и мне заняться тем же, иначе колтунов после не вычешешь. Её и попрошу, любила когда-то волосы мне разбирать...

– Нет, Ар... не сегодня.

– Но у тебя народу полон дом: Рыба, Дамэ... мне они не помеха, конечно, живали и теснее, но у меня тихо и гневных глаз Дамэ нет.

Я только собрался сказать, как долго я мечтал уснуть рядом с нею, Ая опустила руки и сама без сил опустилась на валун.

– Арик... Я... хочу сказать... мы... Можем... втайне всё это оставить? Ну... то есть...

Моё сердце закипело, я почувствовал, что слепну от гнева. Я набрал побольше воздуха, и отвернулся, чтобы сейчас же не схватить её и не утащить в свой дом, запереть там и не выпускать больше.

– Ты... из-за Эрика? Или потому что Ван вот-вот придет? – произнёс я очень тихо, стараясь удержаться и, ослепнув от злости, не наброситься на неё. Отвернувшись, я сел рядом на валун.

– Ван... Что Ван... – она вздохнула, проведя ладонью по лицу, будто унимая боль, мне не понравилось это. – Ван столько лет с Вералгой, и вообще... чего уж... там я сама виновата во всём... Нет... А Эрик он,... со страху просто. Когда людям страшно, они куда бегут? Домой. Вот и наш Эр так. Потому и вернулся быстро на этот раз. Я... я не хочу сталкивать вас, начнёте драться опять, как дети за игрушку...

Игрушка не игрушка, но если у Эрика появилась какая-то надежда, он снова возьмёт себе в голову своё право... И ведь

как хорошо было когда-то в Вавилоне, когда он был настоящим добрым братом и не посягал на неё.

– Чего же ты хочешь? – спросил я, чувствуя, как меня встряхивает от ревнивого гнева. Я чувствовал себя, не просто сброшенным с небес, куда меня только что подняли, как вещь, которой попользовались и хотят, если не выбросить, то спрятать в чулан.

– Эрик успокоится, уедет, тогда и... раскроемся. Он никогда подолгу в нашем городе не оставался, ему нечего тут делать, к наукам равнодушен, так что сбежит со скуки вскорости, как обычно. А пока... пусть не знает ничего...

Ведь как об Эрике, о его душевном спокойствии заботится!

– Может быть, всё проще? Ты спать с ним хочешь? – сорвался я.

Аяя вздрогнула, выпрямляясь, как от удара плетью, а потом повернулась и с размаху хлестнула меня по лицу ладонью.

– Конечно! Только о том и мечтаю, как с вами обоими, дураками, спать! Тьфу! – и взмыла в небо.

И я сплюнул со злости на себя, ну что не удержать слово? Разочек промолчать, и, день-другой, всё наладилось бы, забыла бы эту дурь, что надумала теперь... Даже если бы морды начистили друг другу с Эриком. Но слово не воробей...

Я ринулся за ней. Но нагнал только в её дворе. Она спустилась и побежала к дому, болтая сырой и грязноватой ко-

сой по спине такого же грязноватого халата, я, должно быть, ещё хуже выгляжу, хорошо, что уже сумерки и дом Аяин выше всех по улице, двора, скрытого среди сосен, не видно ни откуда.

– Яй! – крикнул я, нагоняя её. – Да стой ты!.. Яя!

– Иди к чёрту! – крикнула она на бегу и влетела на крыльцо, что огибало дом с этой стороны, где вход и веранда.

Рыба вышла на шум, Аяя едва не сбила её с ног в дверях.

– Не впускай его, Рыба! – прокричала ей Аяя, пробегая внутрь.

Рыба беспомощно смотрела на меня.

– Ну?.. Чё натворил опять? Что сказал ей? – озабоченно нахмурилась Рыба.

– Да сказал, дурак... – смущённо побормотал я, останавливаясь на нижней ступеньке крыльца.

А потом злость новой волной поднялась во мне. Ведь точно спит с Эриком! Как сразу-то нет понял?! И взвыл:

– Но и она... дура!

Я крикнул как можно громче, чтобы Аяя услышала. Кулаки сжались сами собой, я даже зубы стиснул. Ну я достану тебя, чёрт... страшно ему стало... страшно тебе? Получишь...

– Ты чего орёшь-то, оглашенный?! Одурел? – Рыба вылупила глаза.

Я лишь отмахнулся, отворачиваясь, ей-Богу, сил сейчас не было говорить с Рыбой.

– Эй, Арий, ты... крик не поднимай, – громким шёпотом сказала Рыба мне вслед, обернувшись на дом в открытую дверь и продолжила: – Слышь?.. Потоптал её, всё, значит твоя уже, куды она денется... Пару дней выжди и приходи, примет. А слова – все это ветер, чепуха... Слышь, что ль?

– Слышу, – побормотал я, обернувшись.

– Вот и ладно, – удовлетворённо кивнула Рыба. – А щас иди... вымойся, а то... извалялись как... дикие... страм.

Ну я, в общем-то, так и сделал и когда выходил из своей вполне современной электрической бани во дворе, в которой, конечно, никакого нормального пара не было, а так, жар да влага, но и так неплохо, чем просто душ или ванна, особенно когда пыль забилась в волосы и в кожу. На своём дворе, на скамье у дома я увидел Эрика. Уже совсем стемнело, и он шлёпал комаров у себя то на щеке, то на плечах. Только Эрика мне сейчас и не хватало. Морду ему сегодня чистить, сил совсем нет, только поспать бы...

Вот, поспать, а тогда начистить...

– Господи, наконец-то, леший, – сказал он, поднимаясь. – Где был-то весь день? Заело комарё тут меня уже.

– Что фумигатор не включишь?

– Где он у тебя?

– Где у всех, вон клавиша у калитки, – сказал я, устало. –

Чего тебя принесло? Стряслось чего?

– Ну... не знаю, стряслось или нет...

Он вошёл со мной в дом, я не хотел смотреть на него, что-

бы не сорваться и не вмазать, а я устал, оттого, что мы опять поссорились с Аяей. Теперь не сомневаюсь, что Эрик спал с Аей, потому Дамэ и едва живой, иначе Эр не пробрался бы в дом, у него же не было союзника в виде Рыбы. И Ая хороша, конечно... ну...

От злости меня затрясло, и я вспомнил, что не ел уже сутки, чтобы не думать о том, что тот, из-за которого меня трясёт, тут возле меня, говорит мне о каких-то новостях. Что там у меня, чёрствый хлеб да колбаса, и то, и другое Рыбиного исполнения.

– Ты... есть будешь? – спросил я Эрика.

– Есть? Ночь на дворе... Ты не слышишь, что я говорю?

– Я слышу, – сказал я, хотя ни черта не слушал, думая только о том, как бы не накинуться на него и при том не потерять сознание от слабости, накатившейся на меня. – Но я хочу есть, у меня щас обморок будет...

– Да?.. – он внимательней взгляделся в меня. – Ну... давай поедим. Что у тебя там есть?

– Колбаса есть, чай. Хлеб ещё. Будешь?

– Хорошо, что у нас есть Рыба, а? – усмехнулся Эрик. Нет, я не выдержу и убью его...

Я заварил чай прямо в чашках, нарезал колбасу, Эрику поручил нарезать хлеб, он со словами:

– Ну, вот вам, здрасьте... зайдёшь так к брату в гости, на огонёк, – покачал головой

– Не выпендривайся, незванный гость...

– Я ж брат, – добродушно протянул Эрик, вот хорошее настроение у него, не иначе, рассчитывает на ночь к Аяе...

– Ну вот и режь, если брат, – сказал я.

Уже через несколько минут мы сели за стол, и я жадно вонзил зубы в хлеб, между ломтями которого положил колбасу. Крепкий сладкий чай со всем этим казался лучшим напитком на планете, мне сразу стало легче, прояснился ум.

– Так что тебя принесло-то? – спросил я.

– Во-от, а говорил, слышу, – засмеялся Эрик, с аппетитом жуя свою колбасу. – Серия цунами пошла по миру, смыло десятки городов, миллионы погибших. Не слышал ничего?.. Телевизор где?

– Что? – не понял я.

Собственно, я вообще ничего не понял. Я был так далеко в своих мыслях и чувствах от того, что он пытался мне рассказать. Какие цунами, миллионы? Где это всё? Кому страшны цунами. Но включившийся телевизор, который и был-то у меня только потому, что считалось, что он должен быть, вдруг заполнил кухню, гостиную и столовую светом и звуком, всё это было чересчур громко и яростно. Черноволосая девица в красном костюме с каменным лицом и горящими счастьем глазами, что именно ей доверили сообщать такие новости, возбуждённым низким голосом с нарочно добавленным драматизмом говорила по-русски, ясно, мы в России, русский канал и включился первым...

– С Австралией прервана связь и пока неясно, насколько

значительны повреждения. Острова в Полинезии, Микронезии, другие регионы в Тихом океане потеряны с радаров и спутников. Серия их трёхсот цунами прокатилась по планете. Пока...

Я посмотрел на Эрика, он же стал переключать каналы, но ничего кроме тех же новостей на всех возможных языках, которые рассказывали, сопровождая съёмками, транслируемыми с тысяч камер, установленных по всему миру и круглосуточно снимающих всё, что попадает в объектив. Тут Эрик был прав, ни одной точки мира нет, где бы не было этих всевидящих глаз.

И только наш город, не известный никому, потому что камер здесь не было, а у тех нескольких компьютеров, что стояли в специальном корпусе у Викола и использовались только для дела, были удалены камеры. Когда в начале века Викал сделал это, некоторые из нас хохотали до слёз, особенно Агори и Мирвасор, но Викал и ухом не повёл, сказав, что все компьютерщики в мире так делают, стало быть, и он будет, потому что связываться по скайпу он не собирался, мы все использовали иные, невзламываемые средства связи. Компьютеры менялись на более совершенные во всём мире, но Викал не торопился, считая, что в более новых и средства слежения куда совершеннее, а потому теперь у него стояли динозавры тридцати, а то и пятидесятилетней давности, которые, кстати, работали отлично. Так что мы были почти уверены, что за нами не следят, потому что и мобильными

телефонами здесь мы не пользовались, только за пределами города, а здесь прятали в сейф, на этом тоже настоял Викал, и тоже долго подвергался остракизму. Но его поддержал Орсег, которому, конечно, мобильник вообще было бы некуда пристроить. Спорить мы не стали, Аяины посланники справлялись со своими обязанностями не хуже, а Басыр, тот же Орсег и Вералга могли оказываться в любой точке мира когда угодно, так что пользоваться всем этим нам незачем, в общем-то, было привыкать. Хотя, конечно, Мирovasор и Вералга и их половинки, те, кто жили, что называется, в миру, пользовались всеми этими вещами, но неизменно оставляли, являясь сюда, в наш город предвечных, и современный, и древний, как самые древние города на земле...

Эрик посмотрел на меня.

– Что думаешь?

Я поперхнулся.

– Я?.. кха-кха... кха-кхе...

– Запей, Господи, как ребёнок... куда ты напихал полный рот, неделю, что ли, не ел? – поморщился Эрик.

– С-сутки... кха-кха!.. – кашляя, проговорил я, аппетит, впрочем, сразу пропал, да и не было его, хотелось побороть нахлынувшую слабость.

– Сутки... таскаешься вечно где-то, весь день с утра тебя выглядывал. Так что скажешь-то?

– А что я должен сказать? Чего ты от меня ждешь? – сказал я, оставляя еду, решив просто допить чай, чтобы почи-

стить горло.

– Да не впадай ты в тупость, Ар! – рассердился Эрик. – Что ты... прям, не знаю, чем ты занимался, что у тебя голова-то не работает... Неужели ты думаешь, что это какие-то природные цунами? Ну?! Тогда как в ознобе трясло бы всю землю, а о землетрясениях ничего не сообщают. Триста цунами!

– Ну а какие, Эр? – я всё не мог понять, о чём он. – Что, байкальские братья в масштабах планеты, что ли?

Эрик нахмурился, вглядываясь в меня.

– Что-о?.. Что ты сказал? Байкальские братья?.. Это ты... к чему? – он подошёл ближе, весь надуваясь и всё больше с каждым шагом. – Ты... где был?

Он оглядел меня, бледнея, втянул ноздрями воздух:

– Локти... стёр... ты, что... чем ты... занимался? Где ты был?!

Он схватил меня за плечо, затрещала футболка, потому что я оттолкнул его.

– Да пошёл ты, Эр! – вскричал я, думая, до чего мы хорошо друг друга знаем всё же, ничего не надо визнавать, всё видно и так, особенно, что касается Аяи.

– Ах ты!

Он рванулся ко мне, и мы сцепились в полное удовольствие, мутузя друг друга. Что-то загрохотало, у меня от удара в скулу качнулось всё в голове...

Глава 8. Живи, братец...

– Аяя, я баню нормальную тебе истопила, идём, – сказала Рыба, подбирая с пола превращённый в тряпку красивый когда-то халат.

– Оставь, выбросить надо... – сказала я.

– И что извалялись, в кровати не могли, что ли? Осподи, а спина-то... чё делается... как бесноватые...

Волнуясь, Рыба начинала говорить как встарь, как привыкла с детства, это ныне язык у нас всех сильно переменялся, даже думать стали почти как нынешние люди...

– Не болтай... – нахмурилась я, упоминание беса, даже вот так, походя, пугало меня неизменно, заставляя холодеть.

– Дак-ить как не болтай, када... ах ты ж... Ты иди, я бальзама лечебного принесу, смажу...

Я вошла в баню, чистое платье сложила на лавке и зашла в парилку, устроенную по старинному образцу, я будто перенеслась на сотни лет назад, и сразу будто стало легче. Но спину и, правда, саднило, хотя это и не очень-то волновало меня сейчас. Куда больше вошедшее в меня осознание того, что я в последние дни натворила такого, от чего воздерживалась и успешно столько столетий. И что же теперь мне делать? Что теперь мне делать с этим? Вначале вторжение Эрика, но, зная его, можно было бы это пережить, ожидая, что он, избавившись от страха, который, я уверена, и пригнал его в мою

постель, снова вырвется в мир, в поисках нового счастья, и найдёт, несомненно, это всегда ему удавалось. Но как быть с тем, что произошло у нас с Арием? Как это я допустила? Ну как не устояла? Какая несусветная глупость! Зачем...

Теперь... ничего хорошего не жди, как напутала. И понял всё об Эрике, и... Нельзя нам с ним. С ним нельзя... Именно потому, что я люблю его как не люблю даже саму жизнь, потому что он не сможет простить мне и забыть ни Эрика, ни тем более московского моего счастья и горя... если он не мог жить с подозрениями, что с ним сделают воспоминания о Нисюрлиле? Как же я позволила свершиться... Господи, ну как?

А как было устоять? Будь я мертва и то поднялась бы и раскрыла объятия ему. А я не мертва, я жива... жива...

Я заплакала от бессилия, от растерянности, потому что я не знала теперь, что мне делать...

– А-й-й-й, касатка, ты чего это? ты што плачешь, глазки свои ясные портишь? Из-за них, мужиков этих? Да не нать! Всё уладится, не плачь...

Она приобняла меня, мягкая, как квашня, пахнувшая кухней своим ситцевым простым платьем, я сама сшила его ей, мне нравилось заниматься шитьём, отдаваясь этому старинному женскому занятию, я обдумывала то, что делала в лаборатории, раскладывала по полкам в своей голове то, что узнала за день. Что она сказала? «Уладится»?..

– Да как же? Рыбочка?.. как уладится, когда я... вон

один... а теперь...

– Ну... это канешна... это ты... но никто не просит же признаваться. Муж твой, он иде? Он с новой женой девятый век живет, а тебе што? И так с такое басой здесь, как в заточении сидишь, тоже, грех... Людям радость на тебя глядеть, а ты... середь людей жила бы, так и выходила бы замуж, как вона, наши все... и как мущины женятся. Они скока жен-от поменяли? От то-то, а туда же... с упреками.... Ну, канешна, ты с ими... лучше бы смертных брала себе, на што тебе наши... Хотя... куды от них, ежли так-от липнут... то никого, а то сразу два штуки – это... с перебором, скажем прямо, но... никто же не знат. И не говори.

– Да сам он всё понял... что говорить, когда он в сердце моём читает яснее, чем буквицы в книге... – я заметила, что и я так же сползла в своей речи в прошлое. Все мы так-то, кажется, меняемся, ан-нет, все мы те же, какими были, когда явились на свет.

– Ну понял и што... его теперя дело, куды там... Права какие у него? Он ни муж, ни отец, ни брат, ты оженися вначале, а после требуй верности. Вот так я считаю.

– Арий понял, так и Эрбин поймёт... ещё... затеют ссору...

– Подумаешь, носы разобьют друг дружке... – отмахнулась было Рыба. А потом вспомнила и посмотрела на меня. – А вообще... это ты, касатка, верно плачешь-от, бедуешь не зряшно, када они в последний раз бились, Байкал из берегов

вышел несколько деревень смыл, я думала, жива не буду... ты не помнишь...

Я вытерла слёзы, глядя на неё.

– Это когда такое стряслось?

– Это, касатка, так давно, что и не то што лет и веков, а уж и тысячелетий я не сосчитаю... – вздохнула Рыба. – Давай-ка помаслю спину-то, коли ты дурочка такая, идей-то по камням ободралась вся... Знать любишь шибко, коли не почувяла ничего.

Я не ответила, только вздохнула, а Рыба продолжила, смазывая мою уже вымытую спину.

– Ну а любишь, так и не реви, он, Арий-от тоже, поумнел, небось, поймёт, что сладкую ладку лучше на двоих разделить, чем вовсе голодному сидеть.

– Тьфу! Да ну тебя, вот язык – чистое помело! – поморщилась я, ещё не чувствуя подвоха.

– А ты не стыдися, касатка, ловкие-то женщины и по десятку кобельков на сворке водят, и от каждого им и золото, и любовь, и доход. Подумай! А ты всё в честные деушки метишься... Подумай, баю! На твою басу и сейчас, в энти паршивые времена, царей мешками ловить мочно... Смекай, кумекай!

– Замолчи, Рыба! – я оттолкнула её руки и вдруг сообразила, что то вовсе и не Рыба со мной... Рыба не любит тискаться, никогда почти не касается, редкий случай, чтобы стала обнимать. Вот и теперь, смазала бы спину и дело с кон-

цом, а энта и гладит, и охаживает... не Рыба это!

Я поднялась, отступая, мокрые волосы укрыли мою наготу от Него. Сатана понял, что раскрыт и сменил вид на свой обычный, ухмыляясь.

– Кожа-то – шёлк, касатка, – голосом Рыбы произнёс Он, похохатывая. А после добавил уже своим обычным, басовитым: – Такой ныне в мире не сыскать... Послушала бы меня, правила бы теперь всей планетой...

– Изыди! – я выплеснула на Него ковш с ледяной водой, она зашипела у Него на коже.

Он оглядел себя, переставая ухмыляться, и покачал головой, а после погрозил мне пальцем. Странно, похоже, вода обожгла Его, хотя была холодной.

– Смотри, паршивка! Пожалеешь у меня... мало вам было испытаний, получите ещё! – и пропал. Надо же, как разлился ныне...

Я вышла в предбанник, вот и Рыба, сомлела тут на лавке. Я привела её в чувства, и пока она моргала да ахала, оделась. Я не стала говорить, что Дьявол принял её облик, чтобы снова приблизиться ко мне. Мы вышли к дому, оставив дверь в баню распахнутой, чтобы проветривалась, не то скапливался в ней сырой нехороший дух.

– Гляди, Дамэшка чой-то машет – задумчиво сказала Рыба, глядяваясь через двор. – Што там у него?

Действительно, нам с крыльца маячил Дамэ, странно, что могло обеспокоить?

– Скорее, вы... новости-то слышали, што в мире деецца? – крикнул он.

Мы с Рыбой переглянулись и ускорили шаги.

– Идите скорее, глянь-те... Это же... это...

Дамэ не смог подобрать слов, чтобы объяснить, и просто поспешил сам внутрь, где был включён телевизор, он сделал громкость побольше, хотя звук и так отдавался от стволов сосен, улетаая в ночную уже темноту. Мы стояли втроём, и, остолбенев, слушали новости, что тревожными голосами наперебой сообщали по всем каналам сразу, отменив другие программы.

– Эта... што ж... такое?... – проямлила Рыба, без сил опустившись в кресло. – Это што же... Враг человеческий затеял мир погубить?

– Это не Он, – сказали мы с Дамэ едва ли не в один голос.

Мы переглянулись с ним, а Рыба, будто приходя в себя, посмотрела на нас двоих и спросила, будто мы могли знать:

– А кто же тада? Само што ль?..

В это мгновение гул пошёл по земле, и она качнулась, словно качели, дрогнули скалы под нами и рядом, треща и раскалываясь, завыло Море внизу и загремело в горах, левее от нас, там сорвались обвалы... А в доме всё задрожало, будто от страха, позвякивая и трескаясь. Мы же качнулись сами, хватаясь дуг за друга, мебель повалилась, угрожая прибить, показалось, что мы на большом корабле, попавшем в шторм...

– На двор! – крикнул Дамэ. – Скорее, землетрясение!

И рванул сам, хватая нас обеих за руки, поднимая с пола. Грохот и треск стали оглушительными, в воздухе запахло ломаным камнем и пылью, деревья качались, словно земля трясла головой, а её космы мотались в стороны. Гул шёл по всей земле, мы выбежали во двор, но на ногах не удержались в этой качке, падая, увидели, как сверкают и рвутся провода, взорвался неостывший котёл в нашей бане, столб пара вырвался в небо, она загорелась. Мы с Рыбой переглянулись, как это мы выйти успели оттуда, от бани в считанные мгновения остался костер до неба...

Шум, причём такой, какой-то громадный и всеобъемлющий почти оглушил нас, сразу со всех сторон из-под земли, от гор рядом, и плеска Моря внизу, а оно в тридцати саженьях ниже и шум его волн даже в шторм редко можно было услышать, теперь же бурлило, будто котёл на огне...

Где-то закричали... кажется, это Басыр...

Конечно, Басыр, голос женский, а больше женщин у нас здесь нет...

Не сговариваясь и не размышляя, мы бросились на её крик, падая от новых толчков. Но вдруг земля прекратила трястись, где-то напоследок раздался хлопок, словно что-то лопнуло, и за ним еще один взрыв, вспыхнул пожар. Море всё ещё бурлило и со скал валились потревоженные камни, скатываясь в ущелья, что-то лопнуло и с оглушительным уже шумом сорвалось. Но нам всё это было не видно за деревья-

ми и в ночной темноте, ставший гуще, чем всегда, потому что свет вдоль улиц погас, из-за попадавших фонарей, но зато пламя пожара освещало пространство, что горит, мы ещё не поняли... А где-то продолжал вещать телевизор, всё те же голоса в сопровождении хроник с визгами и шумом воды, сообщая о последствиях цунами, что стёрли с лица земли столько городов со всеми жителями, что и сосчитать ещё не могли, потому что далеко не со всеми странами сохранялась связь...

Но мы бежали к дому Басыр, напуганные её криком больше, чем всеми страшными новостями. Когда беда происходит в новостях, она похожа на страшный фильм, но когда кричат твои близкие, она входит в сердце...

Подбежав к дому Агори и Басыр, мы увидели, что он невредим, только попадали ставни с окон, Агори строил на совесть, ни один дом не упал, даже не треснул, кое-где только съехали крыши и дома стали похожи на подвыпивших парней...

Но ни Басыр, ни Агори, не было здесь, дом пустой, дверь распахнута, но внутри никого, это было очевидно, не только потому, что из-за обрыва проводов здесь стало темно, но и голос Басыр...

– От Викола кричат... она... ах ты, скорее... – задохнувшись от бега и волнения, поговорил Дамэ.

– Почему от Викола? – спросила Рыба на бегу.

Но рассуждать было недосуг, мы спешили так, что сердца

уже подскочили нам в горла. Почему я не полетела? Со страху и от растерянности позабыла, что могу...

У Виколава дома горела крыша, но главное... мы увидели, что здание, бывшее нашим научным центром, библиотекой, лабораторией, хранилищем всех наших записей, электронных файлов, всего, что мы, изучая все эти годы вчетвером, собирали и хранили, все наши приборы, книги, одним словом, всё самое ценное, что было в нашем городе, это здание «переехало» на площадь, а то место, где когда-то оно стояло, чернело, превратившись в пропасть. Вся эта часть скалы вместе с двором треснула и обрушилась. Как Агори смог удержать дом и не дать свалиться в невидимую нам пока бездну?

Только позже, когда рассвело, когда всё немного успокоилось и мы оглядывали потери нашего города и то, что случилось в окрестностях, выяснилось, что они были внутри вместе с Виколом в тот момент, когда началось это светопреставление. Вначале искали на полках «Бесов» Достоевского, о которых у них с обеда шёл спор, а после сели здесь же, выискивать спорное место, чтобы выяснить, кто же выиграл, Викола, который утверждал, что Ставрогин изнасиловал девочку, или Агори, которому довелось читать отредактированный вариант без этой главы, которая в разных изданиях то появлялась, то пропадала, и в его представлении не было этого важного рассказа, что, по мнению Викола, придавало образу Ставрогина особенный бесовский оттенок, из жертвы про-

исходящего превращающего в соучастника... Словом, спор был бесконечный, на всю ночь, тем паче, что они и коньяком запаслись для его поддержания. Вот и получалось, если бы не это счастливое совпадение, то корпус этот бесценный провалился бы, никто не успел бы его спасти.

А так, едва наши молодцы почувствовали, как задрожала земля, оба опытные люди, переживавшие в своей жизни не одно землетрясение, бросились наружу... Далее всё просто: Агори, удержал большое, четырёхэтажное здание в воздухе, и теперь перенёс и аккуратно поставил на площадь подальше от обрыва.

– Что особенного, я горы поднимал втрое... – блестя карими глазами, рассказывал после Агори, счастливый, что не дал погибнуть самому ценному дому во всем городе.

Землетрясение закончилось так же неожиданно, как и началось, но в небе вдруг заворчал гром, будто, вырвавшаяся наружу, мощь отразилась от небес. Мы все подняли головы.

– Это... не простое землетрясение... – сказал Викал, бледнея. – Это...

И тут Рыба как очнулась. И взвизгнула, что в такой большой женщине показалось как-то особенно пугающе. И побежала с криком:

– Батюшки!.. Робяты, это ж... Это они! Это братья, Арий и Эрбин! Они землю трясут!.. Подрались! Подрались, черти... Ах-ты...

Оттуда и кричала Басыр, дом Ария рядом, за садом, чуть

ниже, вот мы и обознались. Мы бросились туда, уже впятером. Басыр кричала нам, услышав наши голоса:

– Сюда! Сюда! Здесь они! Поубивали друг друга! Поубивали! О-ой... – в голосе слёзы. – Я водой их... они... кровь вон... кровь... как разбили-то друг дружку...

– Батюшки-святые... – выдохнула Рыба, коротко глянув на меня, и мы бросились к ним, распластанным на траве рядом со сломанным крыльцом...

...Ая упала на колени возле братьев, увидев их, окровавленных, лежавших навзничь, раскинувшихся безвольно на траве. Я знаю, что всякий их удар друг по другу становится двойным и потому им убить друга вдвое проще, чем кому бы то ни было.

– Живы-живы! Что зря молотишь... – проговорил Агори, наклонившись над одним и вторым.

– Надо Эрбина в чувства привести, он исцелит обоих... – сказал я. – Давайте скорее... не то... кончатся... Скорее, ну!

– Чего они сцепились-то? – пробормотал Викола задумчиво, стоя в стороне, чтобы не мешать тем, кто мог помочь братьям.

– Чего... чего ж ещё... ясно... Когда-то сцепились бы, непременно... Она одна – их двое... – поговорила негромко Басыр, всхлипнув.

В ответ на эти слова Ая зарыдала, зажав себе рот обеими ладонями, словно боялась, что раненые байкальцы от её рыданий заболеют ещё больше. Я подошёл, поднять её на но-

ги, но она не могла подняться, только трясла головой, расширенными от ужаса глазами глядя на них двоих.

Меж тем Рыба при помощи Басыр, что мгновенно принесла из дома Рыбы сундучок с лекарствами, начала свою толковую работу нам ними. Кроме старинных снадобий, которыми по сию пору пользовалась Рыба, так и оставившая за собой право врачевать здешних жителей, у неё здесь были и вполне современные средства, одним из них она и привела Эрбина в чувства, сделав ему укол, разорвав грязный от крови рукав.

– Эрбин!.. Эрбин!.. Сингайл! Очнись! – она брызнула водой в его исковерканное побоями лицо. – Очнись, Лед! Давай!.. Приди в чувства, исцели Ария!

– А... а-а... Арии-я... убить его... дай, убью... – хрипло проговорил Эрбин, ещё не в силах поднять головы.

Аяя вздрогнув, склонилась к нему и прошептала, но слышали мы все, несмотря на шум катастрофы вокруг.

– Эрик! – заплакала она, обнимая его. – Эри-ик... Ты же... ты умрёшь, если... Помоги ему, исцелишься и ты...

– Нет... не хочу... не хочу я... – разбитыми губами, произнёс Эрбин, глядя на неё одним глазом, второй был сильно подбит и совершенно заплыл. – Ты... не любишь меня... ты... его... его любишь... чего мне... жить... без... воздуха?... я не... не хочу...

– Ты что ж мелешь, Эрбин... – проговорила Басыр, отшатнувшись, бледнея.

– Что ты?! Ты что говоришь?! Как мне не любить тебя, ты... милый мой! Милый, ну... не надо... – Ая зарыдала громко, прижимая его к себе, обливая слезами его раздувшееся окровавленное лицо.

Эрбин поднял руку с разбитыми костяшками, сгрёб в ладонь волосы Ая на затылке и оттянул её от себя, держа так, смотрел в её лицо.

– Ска-жи... скажи мне... скажи, что... выбираешь меня... Ая...

– Да! Да, Эр! – слёзы с её лица капали ему на лицо, на губы.

– Не-ет, скажи... скажи... мы умрём... оба... Или я... или никого не бу-удет...

На его губах выступила розовая пена, а за ней алая кровь струйкой потекла на щёку и оттуда закапала на траву, ускоряясь, чуть-чуть и будет кровавый ручеёк, он умирал...

– Скажи!.. что... выбираешь меня... меня... скажи!

– Тебя! Да-да! Выбираю тебя! Тебя!

– И ему... скажи... как... очнётся! Ему скажи! Как только... он... пусть знает... что...

– Да-да!

– Женой мне будешь? Как... была...

– Да, Эрик!

Он выдохнул, усмехаясь, отпуская её, и струя крови стала толще, кровь не капала, уже текла из его рта на траву.

– Яя... Ради него... ради него говоришь... о-обещаешь...

Э-эх... ради... него... всё... ради него... Яя... Яя... – её имя он произносил с такой нежностью, что всем нам стало страшно, столько тысяч лет мы все знаем Эрбина, но никогда не слышали такого его голоса, словно растворявшегося в имени Аяи. От этого стало ещё страшнее...

– Па-адними... подними меня... и... дай мне... его руку... – он отпустил волосы Аяи, вытягивая шею, силясь поднять плечи, и будто сосредотачиваясь, но стало заметно как ему больно, он очень побледнел, и черты совсем заострились.

Аяя с помощью Рыбы, и с моей, выполнили всё, что он требовал, держали его теперь, почти сидя, хотя от этого ему было больно так, что он скрежетал зубами, задерживая дыхание, чтобы не стонать. А далее стало происходить то, чего я раньше не видел никогда, то есть ничего нам видно не было, кроме того, что Арий из сизо-бледного и почти мертвого стал светлеть и розоветь лицом. А Эрбин произнёс, повернув голову к нему:

– Ар! А-ари-ик!.. Оч-нись... га-ад!.. Ты... сво-а-лачь... ох, сво-а-лачь... ну же, Ар!.. открой глаза! Щас же!.. ну! Ну!

Арий вздрогнул, дёрнув плечами, и вдруг вдохнул глубоко и со свистом, садясь и оглядываясь по сторонам. Он увидел Аяю, нас с Рыбой и Эрбина, с улыбкой смотревшего на него.

– Живи... живи, братец... п-проклятый... живи... как же... я тебя... ненавижу... Господи... как ненавижу... – и

всё же, несмотря на слова, улыбался Эрбин на удивление светло и единственный видный нам глаз засветился, как и всё его лицо, становясь прекрасным как у Бога. У меня никогда не было брата, и в этот момент я почувствовал это особенно остро: что я не знаю, что такое семья, и позавидовал предвечным близнецам, что несмотря ни на что, неразлучны все свои тысячи лет...

И сам Эрбин сразу стал розоветь тоже, оживая вслед за братом, кровь уже не шла у него, как не шла и у Ария. Он выдохнул и позволил себе закрыть глаза.

– Надо перенести их... – проговорила Рыба. – Яй, что оторопела-от, перенести надо! На траве што ль лежать будут всю ночь? Теперь на поправку, теперь всё ладно буит.

– Н-не... не опасно в дом-то, а если повторятся толчки? – сказал Викал, поросший к месту, как и все остальные, кто наблюдал свершившееся чудо.

– Нет ужо... Ужо не дерутся, ничего не буит, тихо буит теперича, – без сомнений сказала Рыба. – Дамэ, Агори, пособите!

Мы подняли Ария, не несли, он сам шёл, опираясь на нас, ещё плохо владея телом, Аяя тоже поднялась на ноги, качнувшись, пока Агори и я наклонились над Арием, она подняла Эрбина.

– Яя... – он снова приоткрыл глаза. – В постель... со мной ляжешь... сейчас...

– Ладно-ладно... как скажешь.

– П-противен тебе?

– Нет, Эр... ты что?

– Ну... может... – прошептал он и вытер губы от крови. –

Тьфу... вот... мерзость... эта ваша смерть... Яя... Он... Ар... должен быть рядом... где-то рядом... Слышишь? Всю ночь, чтобы... Сила из меня... текла в него....

Аяя не шла с Эрбином, идти она не смогла бы, я видел, что ноги не держали ее. Она перелетела, держа его, через улицу к его дому, потому что дом Ария не выглядел благонадёжно, по брёвнам пошли трещины, фундамент треснул и покосился, а крыша была похожа на съехавшую шапку.

– Дом не мог треснуть от землетрясения, – сказал Агори, оглядывая его.

– А он и не от землетрясения, драться-то, небось, в доме начали, вот и разнесли... – сказала Рыба. – Само трясение из-за них.

Мы повели Ария к дому Эрбина.

– Я это только в книгах о битвах байкальских братьев читал, не видел никогда... – тихо проговорил Викал.

– Ну и молись, чтобы никогда больше не увидеть, – заметила Рыба. – Сколько погибло от этой драки... ещё сосчитать придётся.

– Так всё это по земле из-за того, что они подрались? – воскликнула Басыр.

Викал посмотрел на неё, на Рыбу, та пожала плечами.

– По всей земле? – Викал не понимал, о чём речь.

И Басыр тоже не знала, никто не смотрел новостей, мы все здесь редко смотрим телевизор, особенно летом...

Тогда сказала Рыба.

– Передали в новостях, что по всему миру прокатилось три сотни этих... Э...

– Цунами, – продолжил я. – Не может это быть из-за них. Сейчас...

Мы довели Ария в спальню, Ая уже положила Эрбина на постель, Ария положили рядом. Ая осталась с ними, а мы все вышли во двор, в небе ещё раз гроыхнуло, но уже где-то далеко. Продолжался плеск внизу от разгулявшегося Моря, да гул ещё отражался между скал в ущельях с другой стороны.

– Идёмте ко мне, – сказал Викал. – Спать, думаю, сейчас никто не способен. И новости посмотрим как раз. Про ваши цунами.

– Там новости весь день, ничего другого кроме новостей, – сказал я.

Мы вошли к Викалу, он включил чайник, а Басыр хорошо знала, где посуда, чашки, достала и печенье, и мармелад, все Рыбиного изготовления, и портвейн, и коньяк из буфета. Мы все сели на диваны и кресла и под шум чайника смотрели на экран телевизора несколько минут молча, завоженные картинками того же, что происходило здесь, у нас. Викал налил всем портвейна в миниатюрные рюмки, кто ему натирает их до такого блеска? Сам, поди...

– Поэтому ты сказал, что байкальцы не могут быть причиной? – проговорил Агори.

Экран, как живой притягивал к себе все взгляды, а там, сменяя друг друга, показывали разные точки мира, где цунами вызвали катастрофы. Громадные волны, стертые с лица земли города, всюду вода, грязь, плывущий мусор. Сотни, тысячи катастроф одновременно. Не могли даже подсчитать количество погибших, потому что не досчитывались множества островов, многие низменности в середине континентов оказались затоплены прошедшими внутрь волнами, прибрежные области вовсе смыты, полностью, как слизаны громадными языками, на месте их осталась только жидкая грязь и обломки, а это тысячи городов и сотни миллионов человек...

– Ты считаешь... не наши устроили всё это, потому что у них не хватило бы сил на такое? – сказал Викал.

– Я надеюсь, – пошелестел Агори, бледный как призрак, и будто под гипнозом уставившийся в экран.

– Нет... быть может, и хватило бы, я не знаю, не мне измерять силы предвечных, – сказал я. – Но... Арий и Эрбин не могли драться долго.

– Согласна, – подхватила Рыба. – У них же каждый удар – это сразу и в себя. Отражение, как в зеркале. Несколько мгновений и всё кончено. Вот то, что здесь – это их дело. А вот это...

Она покачала головой с сомнением.

– Откуда вы знаете? – нахмурилась Басыр. – Мало ли что было раньше, теперь за Аяю сцепились и...

– И раньше сцеплялись, тоже беда была... – бледнея, проговорила Рыба.

– Не такая, чтобы по всей земле, – сказал я.

– Откуда нам знать!?! – пошипела Рыба очень тихо, словно боялась, что нас кто-то подслушает, она вся подалась вперёд. Боится, что байкальцы услышат и накажут её? – Это шас вона, во все места глядят, тогда што мы о мире знали, токмо наш Байкал и был нам весь мир, и он тогда шаталси, тоже много людей погубили...

– Нет, Басыр, – уверенно сказал я. И кивнул на экран, – Все это происходит уже скоро сутки, а...

Тогда Рыба смекнув, о чём я говорю, успокоено откинулась на диван.

– Арий точно пробыл этот день не с Эрбином, – договорила за меня Рыба, снова встряв в разговор, и глотнула коньяка, сморщилась, взглянув на бокал, и отставила с отвращением остатки.

– Откуда тебе ведомо? – спросил Викола.

– Это неважно, до темноты они не виделись с Эрбином.

– Я был с ним, – солгал я.

Ну, а что? надо было всем рассказать, о чём я догадался, чтобы начали цокать языками и качать головами? Или, еще хуже, обсуждать, что Аяя весь день провела с Арием. Нет, я предпочёл солгать уверенно и твёрдо, потому что я знал, где

был Арий весь сегодняшний день, когда мир уже сотрясали все эти волны.

– Значит, не они, – расслабил спину и Викал и выпил свой глоток портвейна, с удовольствием раскатив его по языку.

– Тогда, кто? Что это? – в страхе произнесла Басыр.

– Ну... может просто... магнитный полюс решил переместиться, – задумчиво проговорил Агори, продолжая, как завоженный смотреть на экран. – Ну или... что там ещё с планетами бывает... подвижка коры... Чёрт его знает, я в этом не разбираюсь, с геологические катаклизмы для меня мало-знакомая вещь.

– Цунами без землетрясений... не знаю – с сомнением сказал Викал.

– Вот землетрясения, мало что ли? – хмыкнула Басыр. – По мне так хватит и этого! Ещё не знаем, что там, внизу у людей...

Агори посмотрел на неё.

– Ты хочешь слетать, посмотреть?

– Может помочь... – поговорила Басыр. – Море плескалось, обвалы пошли...

– Не надо, – выпрямился Викал. – У нас карантин. Там смертельный вирус.

– Там почти нет больных, но я...

– Нет, – твёрдо повторил Викал. – Скольким ты поможешь? Ты даже не лекарь, рисковать ради чего? Чтобы почувствовать смертным, а после умереть вместе с ними? Всё

имеет свою цену. Чтобы выжить, нам придётся заплатить и тем, что мы будем казниться, что отсиделись в укрытии, пока кругом все умирали.

Мы посмотрели на него, когда-то он принял на себя роль председателя, и неплохо справлялся всё это время. Кто-то должен управлять, особенно в дурные времена.

Глава 9. Утро в сонном царстве

Ночь закончилась как-то неожиданно. Когда мы уложили Эрика и Огня на постель, я осмотрела их, не надо ли обработать им раны, да, кости срослись и разорванные органы восстановились, но синяки будут проходить обычным манером, придётся ждать. Но главное, что их жизням ничто не угрожает больше. Теперь они будут спать, черпая в сне силы, чтобы проснуться здоровыми. Эти чудеса исцеления на моих глазах происходят уже не в первый раз, но всякий раз неизменно восхищают.

Сейчас, лежащие рядом на обширном ложе братья были похожи как никогда, зеркально расположенные раны и синяки, даже кровь, засыхающая на рубашках, растеклась похожими пятнами. То самое, что я говорила Арию – между ними изумляющее сходство. Я обработала и перевязала все раны, уже подсохшие и затягивающиеся магией Эрбина, наложила примочек на синяки, смыла кровь с кожи, после чего укрыла их, спящих глубоко и спокойно, без храпа, одним одеялом. После этого я притушила лампы, но гасить не стала.

Ночь чёрным драгоценным бархатом окружила дом, сейчас, когда улицы оказались не освещены, темнота была настоящей, такой как положено в лесу. Пожар, что мы видели, пока носились в смятении меж домов, догорел сам собой, похоже. Что именно там горело, интересно, но утро вечера

мудренее, будет время рассмотреть потери и разобраться с тем, что осталось. Все стихло, даже ветви деревьев не качались, потому что и ветер, словно устав, улёгся спать, где-то среди скал или затерялся и уснул в чаще. Я распахнула окна, запах пожара, пыли и камней висел в воздухе, перебивая обычный мягкий хвойный, что царил здесь у нас. Арий тихо протонав с выдохом, повернулся на бок, а Эрик, забросив руку за голову, всхрапнул и улыбнулся, снова затихая. Я села около кровати, придвинув кресло и удобнее пристроив тело, и заснула очень скоро, почти сразу.

А вот утром они проснулись первыми. Я открыла глаза на шорох, выпрямляясь, страшно затекла спина и шея, и увидела, что Эрика нет в постели, а Ар, приподнявшись вместе с подушкой на изголовье, с улыбкой смотрел на меня одним глазом, второй заплыл синяком и теперь скрывался под повязкой с давно высохшей примочкой.

– Привет, – сказал он. – Почти две тыщи лет мы не посыпались с тобой вместе.

– Ну и шас не вместе, Нельсон, тоже мне... романтик, – это Эрик вошёл, немного неуверенной походкой. Кряхтя, он добрёл до кровати и улёгся поверх покрывал. – Я тут, бра-тишка, так что ты со мной вместе проснулся, а не с ней.

Свою повязку он снял и выглядел, конечно, не лучшим образом, не говоря о почерневших к утру синяках, был довольно бледен и слаб, Арик выглядел намного лучше.

– А что ты удивляешься, Яй, этот моей Силой напился,

как упырь, вот и весело глядит. Ох... – усмехнулся Эрик, укладываясь ловчее.

Эрик смотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.